

СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ
И
МЕТОДЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

А. А. ИСАЕВА,

ординарнаго профессора демидовскаго юридическаго лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. В. Фалькъ.
1887.

Труды А. А. Исаева.

Промыслы Московской губерніи. 3 выпуска. Москва, 1876. Ц. 2. р. 50 к.

Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Москва, 1879. Ц. 2 р. 50 к.

Задачи и методъ политической экономіи. Ярославль, 1879. Ц. 20 к

Артели въ Россіи. Ярославль, 1881. Ц. 2 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. Ярославль, 1881. Ц. 30 к.

О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. С.-Петербургъ, 1882. Ц. 20 к.

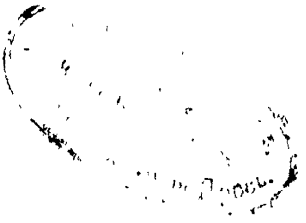
Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Ярославль, 1883, Ц 40 к.

Программа по политической экономіи. Ярославль, 1885. Ц. 20 к.

Государственный кредитъ. Ярославль, 1886. Ц. 1 р. 25 к.

Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. Ярославль, 1887. Ц. 40 к.

Продаются у гг. книгопродавцевъ: Анисимова, Мамонтова, Глазунова и другихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и Соболева въ Ярославлѣ.



СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ

И

МЕТОДЫ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

83340.

А. А. Исаева,

ординарнаго профессора демидовскаго юридическаго лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Г. В. Фальхъ.

1887.

Пров. 1959
„Пров 38"
Пр.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

I.

Въ началѣ настоящаго вѣка изученіе политической экономіи далеко не было сопряжено съ тѣми трудностями, которыя живо ощущаются теперь каждымъ, приступающимъ къ занятію этой наукой. Въ то время среди экономистовъ господствовало почти полное единомысліе относительно предѣловъ, методы и системы этой науки; единомысліе выражалось въ нѣкоторыхъ догматахъ, пользовавшихся общимъ признаніемъ. Всѣ были убѣждены, что въ кругъ вопросовъ, изслѣдуемыхъ политической экономіей, входитъ лишь то, что касается явленій народнаго богатства, стремленій и дѣйствій людей, соединенныхъ въ общественные союзы, къ достиженію благосостоянія, къ наиболѣе полному удовлетворенію потребностей; что вопросы нравственности, частнаго и публичнаго права и другихъ сторонъ культуры, какъ бы ни вліяли эти явленія на хозяйственную дѣятельность людей, стоятъ за предѣлами изслѣдованій экономиста. Всѣ были убѣждены, что эта область знанія стала наукой дедуктивной, что геометрическая метода, отправленіе отъ немногихъ посылокъ, выражающихъ наиболѣе общія свойства природы человѣка и внѣшней природы, и правильное построеніе силлогизмовъ ведутъ къ раскрытію законовъ, управляющихъ хозяйственными явленіями. Накопленіе историческихъ матеріаловъ и введеніе въ кругъ изслѣдованій статистиковъ все новыхъ и новыхъ сторонъ общественнаго быта не отклоняли экономистовъ отъ пути, который они считали наилучшимъ: факты исторіи и данныя статистики не представлялись имъ способными измѣнить методу

или расширить предѣлы политической экономіи: они или видѣли въ этихъ фактахъ и цифрахъ лишній обременительный грузъ и не пользовались имъ, или обращались къ исторіи и статистикѣ лишь для того, что-бы примѣрами освѣтить общія теоретическія положенія. Единомысліе еще болѣе поддерживалось тѣмъ, что среди экономистовъ господствовала глубокая вѣра въ авторитетъ, и притомъ, авторитетъ немногихъ: Смитъ, Мальтусъ, особенно, Рикардо, частію Сей—вотъ были образцы къ которымъ обращали свой взоръ экономисты всѣхъ странъ Европы. Изслѣдовать явленія богатства такъ, какъ изслѣдовали эти великіе мастера, держаться ихъ методъ, отправляться, для дальнѣйшей надстройки, отъ установленныхъ ими положеній—было лозунгомъ огромнаго большинства экономистовъ, заглушавшихъ единичные голоса тѣхъ, которые дерзали посягать на авторитетъ учителей. И эта вѣра въ авторитетъ англійскихъ классиковъ вносила въ направленіе работъ экономистовъ то единство, которое порождаетъ въ многочисленномъ войскѣ довѣріе его вождю. Неудивительно, что такое положеніе дѣлъ внушало многимъ даже выдающимся писателямъ мысль о полной устойчивости политической экономіи, какъ науки, о возможности для нея въ недалекомъ будущемъ достигнуть степени точности, уже пріобрѣтенной нѣкоторыми изъ естественныхъ наукъ. Неудивительно въ виду всего этого если англійскій экономистъ Торренсъ писалъ въ двадцатыхъ годахъ: „въ политической экономіи періодъ разногласій прошелъ и быстро приближается періодъ единомыслія. Чрезъ двадцать лѣтъ едва-ли будетъ сомнѣніе относительно какого-либо изъ ея основныхъ положеній“ [1]). А въ концѣ первой половины текущаго столѣтія другой, еще болѣе знаменитый писатель говоритъ: „Къ счастію, въ законахъ цѣнности не остается ничего, требующаго разработки отъ меня или какого нибудь послѣдующаго писателя; теорія этого предмета развита вполнѣ“ [2]).

Оправдываетъ-ли нынѣшнее состояніе политической экономіи эти предсказаніе и положеніе? Замѣчается ли среди экономистовъ Европы и Америки единогласіе, господствовавшее нѣсколько десятилѣтій тому назадъ? Есть-ли единомысліе по вопросамъ о предѣлахъ, методѣ, составныхъ частяхъ этой науки? Много-ли можно насчитать основныхъ положеній, не вызывающихъ спора? Сохранилась-ли вѣра въ старые, упрочилась-ли вѣра въ новые авторитеты, способные служить экономистамъ соединительнымъ звѣномъ въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ?—На всѣ эти вопросы долженъ быть данъ отрицательный отвѣтъ. Никогда отъ первыхъ зачатковъ научной разработки экономическихъ вопросовъ, никогда въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій не было въ литературѣ нашей науки такъ много школъ, направленій, партій, никогда приступающему къ ея изученію не было такъ трудно, какъ теперь, отвѣтить на вопросы, куда и какъ идти.

Въ новѣйшей экономической литературѣ, за исключеніемъ частныхъ оттѣнковъ и разновидностей, можно замѣтить четыре главныхъ направленія. 1) *Историко-теоретическое и историческое.* Сторонники этого направленія стараются подвинуть построеніе политической экономіи посредствомъ изученія хозяйственнаго быта различныхъ народовъ въ ихъ историческомъ развитіи. Одни изъ нихъ (Книсъ, Рошеръ, Кауцъ, профессора Янжулъ, Иванюковъ), принимая теорію, какъ она разработана экономистами-классиками и ихъ послѣдователями, прерываютъ теоретическое изложеніе экскурсіями въ исторію не только для того, что-бы на примѣрахъ освѣтить общія положенія, но и для того, что бы обогатить теорію установленіемъ законовъ историческаго развитія хозяйства. Другіе (особенно Родбертусъ), не отказываясь отъ теоріи, стремятся построить ее изъ исторіи, объяснить отдѣльные экономическіе законы путемъ ихъ развитія въ исторіи. Третьи (Гансенъ, Кнаппъ) относятся къ теоріи съ полнымъ отрицаніемъ и сводятъ всю науку политической эко-

номіи къ исторіи хозяйственнаго быта. 2) *Соціологическая* школа видитъ въ политической экономіи только часть обширнаго цѣлаго—соціологіи (Шеффле, Лиліенфельдъ, Шмоллеръ, Ингрэмъ). По ученію этой школы, наша наука не должна ограничиваться изслѣдованіемъ явленій богатства, но всѣхъ условій общественнаго быта, „всего этоса", поскольку онъ имѣетъ вліяніе на хозяйственную дѣятельность людей. Эта школа (особенно Шмоллеръ и его послѣдователи) не отрицаетъ теоріи; но, признавая существующую теорію неудовлетворительной вслѣдствіе гипотетичности ея положеній, она требуетъ еще на долгое время только описательной работы, которая подготовила-бы достаточный для индуктивнаго построенія теоріи матеріалъ. 3) *Политическая* школа. Насколько два предъидущихъ направленія характеризуются сведеніемъ теоріи къ исторіи хозяйственнаго быта или расширеніемъ политической экономіи до соціологіи, на столько эту школу (Вагнеръ) отличаетъ смѣшеніе науки съ искусствомъ, изслѣдованія законовъ экономическихъ явленій съ требованіями мѣропріятій со стороны государства и различныхъ общественныхъ силъ для воздѣйствія на экономическую жизнь народа. Теорія не отвергается, но она совершенно заслоняется совѣтами, съ которыми наука относится къ общественной власти. 4) Сторонники *теоретическаго* направленія (Мангольдтъ, Менгеръ, большинство англійскихъ и французскихъ экономистовъ, Н. Х. Бунге, профессора Чупровъ, Вреденъ, Цѣхановецкій) держатся въ политической экономіи тѣхъ предѣловъ, которые были установлены для нея классической школой; они видятъ въ ней систему положеній о законахъ, управляющихъ людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности и пользуются историческими и статистическими данными только для поясненія теоретическихъ положеній.

Такое-же разногласіе замѣчаемъ мы и по вопросу о методѣ, наиболѣе пригодной въ наукѣ объ общественномъ хозяй-

ствѣ. Многіе теоретики, держащіеся классическихъ образцовъ, остаются вѣрными геометрической методѣ, которой экономія, въ лицѣ Рикардо, обязана важнѣйшими своими завоеваніями. Критика геометрической методы въ приложеніи къ наукамъ объ обществѣ, выполненная Дж. Ст. Миллемъ, и указаніе на конкретно-дедуктивную методу, какъ наиболѣе пригодную, оказали большое вліяніе на умы и участили приложеніе этой методы экономистами школъ исторической, соціологической, политической и, частію, теоретической. Наконецъ, многіе историки и соціологи, посвящающіе свои силы политической экономіи, считаютъ дедуктивную методу вовсе непригодною, не останавливаются на методѣ конкретно-дедуктивной и видятъ въ индукціи, историко-статистической методѣ единственный вѣрный путь для познанія явленій хозяйства [3]).

II.

Всѣ разногласія относительно предѣловъ политической экономіи, матеріала, подлежащаго ея обработкѣ, и методы объясняются характеромъ научнаго движенія и рядомъ практическихъ запросовъ со стороны европейскаго общества къ наукѣ за послѣднія десятилѣтія. Девятнадцатый вѣкъ, отмѣченный огромными успѣхами во всѣхъ областяхъ знанія, открывается могущественнымъ вліяніемъ метафизики на умы людей. Но по мѣрѣ того, какъ умножаются историческія изысканія, какъ въ правовѣдѣніи получаетъ господство историческая школа, какъ естественныя науки, вооруженныя болѣе совершенными пособіями и пріемами, все дальше ведутъ людей въ познаніи природы, по мѣрѣ того, какъ сравнительная филологія и археологія открываютъ новыя и неожиданныя перспективы для изученія временъ, давно прошедшихъ, а статистика распространяетъ свои наблюденія на новыя и новыя стороны общественнаго быта — власть метафизики ослабѣваетъ. Не только

отдѣльныя философскія системы утрачиваютъ все болѣе и болѣе поклонниковъ, но эта утрата метафизикой власти не остается безъ вліянія и на методу изслѣдованія. Метафизика пользуется чистой дедукціей, и ея господство надъ умами ведетъ къ преобладанію въ отдѣльныхъ научныхъ отрасляхъ дедуктивной методы. Приростъ научнаго знанія въ настоящемъ столѣтіи совершился, главнымъ образомъ, посредствомъ индукціи, которая, естественно, и должна была поколебать во многихъ вѣру въ пригодность дедуктивной методы и даже повести къ полному ея отрицанію. Торжество индукціи въ разныхъ областяхъ знанія должно было повести и повело къ усиленному приложенію ея и въ политической экономіи и даже къ утвержденію, что дедуктивная метода вовсе несостоятельна въ этой наукѣ.—Но этому процессу еще болѣе способствовало появленіе и наростаніе практическихъ запросовъ, съ которыми обращались къ политической экономіи. При низкомъ уровнѣ культуры и младенческомъ развитіи научныхъ знаній, люди не требуютъ отъ науки содѣйствія удовлетворенію ихъ нуждъ, отвѣта на ихъ настоятельныя потребности: учась изъ ежедневнаго опыта, они руководствуются только здравымъ смысломъ при всѣхъ попыткахъ къ улучшенію своего быта. Подъемъ народнаго образованія, развитіе и популяризованіе науки все болѣе увеличиваютъ общественные кружки, которые не только усвоиваютъ, по крайней мѣрѣ, въ элементахъ, научныя знанія, но и ожидаютъ отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта на разные запросы жизни. Хозяйственная дѣятельность поглощаетъ большую часть общественныхъ силъ; забота о пріобрѣтеніи внѣшнихъ благъ и удовлетвореніи потребностей занимаетъ большую часть времени людей и главное мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ заботъ, а потому политическая экономія и является, предпочтительно предъ всѣми другими науками, именно тою, отъ которой ожидаютъ и требуютъ отвѣта на разные запросы частной и общественной жизни. Землевладѣ-

лецъ, промышленникъ, торговецъ, рабочій, правительственная власть не довольствуются общими положеніями, которыя даетъ эта наука, законами явленій, какъ она раскрываетъ ихъ по изученіи только важнѣйшихъ, дѣйствующихъ въ хозяйственной жизни силъ: они требуютъ отъ нея указаній, какъ быть, куда идти, какъ улучшить ихъ положеніе; они хотятъ, что-бы она освѣтила идеалы, представляющіеся имъ въ неясныхъ образахъ. Изслѣдуя существующее и установляя законы хозяйственныхъ явленій, она говоритъ имъ о противоположности интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, при господствѣ полной свободы въ хозяйствѣ, о тѣсныхъ предѣлахъ, въ которые вдвинуто улучшеніе быта рабочаго класса, о неизбѣжности безостановочнаго возрастанія ренты и увеличенія могущества землевладѣльцевъ,—а они, относясь къ теоріи, какъ безплодной игрѣ ума, требуютъ онъ нея совѣтовъ для предупрежденія бѣдствій, которыя, она, будто-бы, предсказываетъ. Неудивительно, если со всѣхъ сторонъ осаждаемая практическими запросами, укорами въ безполезности однихъ общихъ положеній, политическая экономія не только отозвалась на эти требованія—что было необходимо и въ высокой степени полезно,—но и облеклась въ форму многихъ направленій и школъ, съ разногласіями по важнѣйшимъ вопросамъ—о предѣлахъ и методѣ. Съ наибольшей отзывчивостью отнесся къ этимъ практическимъ потребностямъ, и именно потребностямъ рабочаго класса, французскій соціализмъ. Онъ былъ рѣзкой реакціей противъ политической экономіи не въ томъ только смыслѣ - какъ принято говорить,—что онъ, въ отличіе отъ буржуазной политической экономіи, является наукой четвертаго сословія—рабочаго, но въ томъ, что онъ совсѣмъ устранилъ теорію, пытаясь поставить на ея мѣсто систему экономическаго искусства. Задача его—не познаніе законовъ хозяйственныхъ явленій, а критика существующаго и построеніе идеаловъ новаго общественнаго быта. Какъ ни

сильно было вліяніе соціализма и на научную мысль, и на законодательство, отрицаніе теоріи, отказъ отъ изслѣдованія законовъ хозяйственныхъ явленій не могли сдѣлаться господствующими въ экономической литературѣ. Въ наукѣ было сдѣлано слишкомъ много, сила мышленія экономистовъ—классиковъ была слишкомъ велика, что-бы не вліять на умы экономистовъ и не побуждать ихъ къ попыткамъ продолжать развитіе теоріи на основаніяхъ, уже существующихъ. Но почти каждый изъ писателей, оставшихся на проторенной дорогѣ, слышалъ, какъ практическіе запросы стучатся въ дверь. Можно-ли было удовлетворить ихъ общими теоретическими положеніями, выведенными изъ посылокъ о преобладающемъ значеніи въ хозяйствѣ самолюбія, о свободномъ соперничествѣ, о невмѣшательствѣ государственной власти въ хозяйственную жизнь, о тожествѣ интересовъ частнаго и общаго? Какую пользу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могъ извлечь торговецъ изъ закона цѣнности, раскрытаго наукой? Что, кромѣ непріятной перспективы „нравственнаго воздержанія“, давалъ рабочему классу законъ заработной платы, выведенный изъ отношенія капитала къ населенію? Давала-ли теорія общественной власти указанія при отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ на разныя стороны хозяйственнаго быта?—Очевидно, нѣтъ.

И вотъ экономистамъ предстояло совмѣстить сохраненіе и дальнѣйшее развитіе теоріи и объясненіе частныхъ случаевъ, подачу совѣтовъ и указаній. Историческіе матеріалы получали непрерывно все болѣе полную и совершенную обработку. Факты, наблюденные и сгруппированные статистиками, все болѣе возрастали въ числѣ, и экономистамъ оставалось только черпать изъ этого обильнаго источника. Старое, тысячелѣтія пережившее положеніе, что исторія есть „учительница людей“, припоминается все чаще и чаще. А если она учитъ людей, то почему не должна она учить экономистовъ? Развѣ

нельзя изъ познанія давно прошедшихъ временъ получить драгоцѣнныя указанія для настоящаго? Развѣ изученіе быта народовъ, наиболѣе подвинувшихся въ хозяйствѣ, не можетъ показать, куда идутъ общества, стоящія на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія? Развѣ статистика не помогаетъ подкрѣпить добытые дедуктивно законы, или исправить ихъ или же внести эмпирическія обобщенія туда, гдѣ законы еще не были установлены? Наконецъ, развѣ та-же статистика не раскрываетъ во всей наготѣ общественныхъ бѣдствій и не намѣчиваетъ пути, по которому должна идти экономическая политика? Все чаще и чаще обращаясь къ исторіи и статистикѣ, экономистъ начинаетъ смотрѣть на факты не только какъ на пособіе, для подкрѣпленія и освѣщенія экономической теоріи, но какъ на орудіе, для пополненія и просвѣтленія теоріи; теоретическое изложеніе тѣсно соединяется съ историческимъ, и законы явленій хозяйства, отвлеченныхъ отъ времени и пространства, переплетаются съ законами историческаго развитія хозяйства людей. Такъ развивалось и крѣпло направленіе, которое мы назвали историческимъ.

Усердное изученіе экономистами исторіи и частое обращеніе къ ней для построенія теоріи имѣли и другое послѣдствіе—внести въ теорію посылки, которыя—важный пунктъ обвиненія—будто-бы, были опущены экономистами-классиками. Послѣдніе учатъ, какъ цѣна слагается подъ вліяніемъ соперничества, какъ то же соперничество установляетъ заработную плату,—а исторія каждаго даже непродолжительнаго періода у любаго народа показываетъ, что цѣны многихъ товаровъ и услугъ опредѣляются законодательной властью. Тѣ учатъ объ обмѣнѣ равныхъ цѣнностей и сводятъ его законы къ основному движущему началу—самолюбію,—а исторія развертываетъ безконечно длинный рядъ страницъ актовъ благотворительности, которые стоятъ на ряду съ обмѣномъ, но внѣ его, и не могутъ быть выведены изъ побужденій само-

любія; она представляетъ длинный списокъ дѣяній и подвиговъ въ области научнаго, художественнаго, промышленнаго творчества, поставляющихъ людямъ безвозмездно огромную массу услугъ, которыя становятся драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ человѣчества. Политическая экономія говоритъ о свободномъ соперничествѣ, а исторія, свидѣтельствуя противъ нея, убѣждаетъ что нигдѣ и никогда не было государственной власти, не участвовавшей въ хозяйственной жизни населенія и не воздѣйствовавшей на разныя стороны экономическаго быта.—Подобныя указанія исторіи укрѣпляли во многихъ экономистахъ убѣжденіе въ необходимости умножить посылки, отъ которыхъ отправлялась классическая школа, ввести на ряду съ самолюбіемъ и дружелюбіе, и участіе государственной власти, какъ источника принудительной силы и т. д. (Шютцъ, Германнъ, Книссъ, затѣмъ Шефле, Вагнеръ и др.). Разъ наука стала на этотъ путь, нужно было сдѣлать только одинъ шагъ для отождествленія ея съ соціологіей. Въ самомъ дѣлѣ, если законы хозяйственныхъ явленій; построенные на основаніи всего ранѣе излюбленныхъ посылокъ, измѣняются подъ вліяніемъ чувства дружелюбія, участія государственной власти, то не слѣдуетъ-ли изучать экономическій бытъ въ связи со всѣми теченіями жизни, въ связи съ нравами, съ обычнымъ и писаннымъ правомъ, короче, со всѣмъ „этосомъ“ [1])? И этотъ шагъ, облегченный схемой наукъ Огюста Конта, былъ сдѣланъ: политическая экономія, въ ученіи нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, расширена до соціологіи.

Наконецъ, за послѣднія десятилѣтія особенно умножились условія для смѣшенія теоріи съ политикой. Развитіе крупнаго производства и обостреніе экономическихъ противорѣчій содѣйствовали сильному вліянію соціализма на рабочіе классы и литературу. Созданіе идеаловъ новаго общественнаго порядка и освѣщеніе мѣропріятій, способныхъ приблизить людей

къ этимъ идеаламъ, стали обращать на себя все большее вниманіе науки и законодательства. Въ послѣднемъ оно выразилось въ лихорадочномъ стремленіи къ экономическому творчеству, а въ первой повело къ заполненію теоріи практическими совѣтами. На Бисмаркѣ и Ад. Вагнерѣ всего лучше можно видѣть силу, съ которой сказалось это вліяніе.

Отмѣчая тотъ фактъ, что въ новѣйшей литературѣ политической экономіи на долю первыхъ трехъ направленій приходится гораздо большая сумма научныхъ знаній и, частію, талантовъ, нежели на долю теоретическаго, мы укажемъ еще на одну, чисто субъективную причину пріостановки въ разработкѣ теоріи и непрерывнаго роста литературы по экономической исторіи и политикѣ. Это—самолюбіе, желаніе создать и упрочить себѣ репутацію, столь сильное въ большинствѣ людей науки. Ученый, не одаренный выдающимся талантомъ, можетъ, при работѣ надъ теоріей, развѣ на склонѣ дней, послѣ многолѣтняго упорнаго труда, содѣйствовать замѣтному приращенію науки и занять видное мѣсто въ литературѣ. Но каждая работа по экономической исторіи или статистикѣ, каждая обработка „новаго матеріала“, даже далеко не совершенная, даютъ положительные результаты, увеличиваютъ запасы описаній, которыя должны быть подготовлены для индуктивной политической экономіи будущаго. И каждый, кто обработалъ или даже только собралъ новыя данныя хотя по мельчайшему вопросику, успѣваетъ уже въ началѣ своей научной дѣятельности получить хорошую репутацію[4] а иногда и извѣстность [5]).

Здѣсь мы снова поставимъ вопросы: какого направленія держаться, какой методѣ слѣдовать, куда идти?

III.

Во всѣхъ отрасляхъ научнаго знанія единомыслію предшествуетъ долгій періодъ разногласій и споровъ. Различныя

направленія ведутъ между собою борьбу, постепенно дѣлаютъ другъ другу уступки и, наконецъ, подобно мелкимъ ручьямъ, образующимъ одинъ широкій потокъ, сливаются во едино. Можно было-бы усматривать и въ современномъ состояніи политической экономіи такой переходный періодъ, предшествующій полному единомыслію въ недалекомъ будущемъ. Но при такой оцѣнкѣ настоящаго положенія экономической науки, нельзя обойдти молчаніемъ то единогласіе, которое было господствующимъ въ первыя десятилѣтія нашего вѣка. Почему сравнительное единомысліе смѣнилось разногласіями? Почему одно направленіе, привлекавшее главныя силы, уступило мѣсто многимъ? Это можетъ быть объяснено двояко. Или это временное единогласіе было слѣдствіемъ вліянія могучихъ творческихъ умовъ, съумѣвшихъ подчинить своему авторитету главныя научныя силы всего міра, но умовъ заблуждавшихся и не давшихъ наукѣ, по крайней мѣрѣ, въ элементахъ, законченной формы. Въ этомъ случаѣ мы должны привѣтствовать въ современномъ состояніи политической экономіи періодъ усиленнаго стремленія къ истинѣ, торжествовать развѣнчаніе старыхъ авторитетовъ и ожидать отъ будущаго окончательнаго и безпоротнаго соглашенія относительно важнѣйшихъ и даже многихъ второстепенныхъ положеній политической экономіи. Или-же это единогласіе вытекало изъ самаго существа дѣла: и метода, которой слѣдовали экономисты-классики, и предѣлы, поставленные ими для науки объ общественномъ хозяйствѣ, и многія добытыя положенія истинны. Тогда современный расколъ можетъ быть объясненъ только какими-нибудь заблужденіями.—Мы склонны давать указанному факту второе объясненіе.

Всѣ явленія могутъ быть изслѣдуемы двоякимъ образомъ. Мысль останавливается или на изученіи конкретныхъ фактовъ и отношеній между фактами въ опредѣленномъ времени и пространствѣ, или, отвлекаясь отъ отдѣльныхъ фактовъ и

индивидуальныхъ дѣйствующихъ на нихъ силъ, отъ времени и пространства, ограничивается общими свойствами всѣхъ фактовъ даннаго рода и отношеніями между цѣлыми группами явленій даннаго порядка. Въ первомъ случаѣ изслѣдованіе имѣетъ характеръ историческій, во второмъ—теоретическій. Наука государственнаго права можетъ дѣлать предметомъ своего изученія государственное право даннаго народа въ извѣстную эпоху, выяснить содержаніе въ то время государственной власти, понятіе о подданныхъ, территоріи, показать, какія послѣдствія вело за собой данное отношеніе государственной власти къ подданнымъ и территоріи, характеръ раздѣленія властей и т. д. Но она можетъ, не останавливаясь на какомъ-либо народѣ или періодѣ, указать и опредѣлить свойства, присущія всѣмъ общественнымъ союзамъ, образующимъ государство, дать общее ученіе о власти, раздѣленіи властей, территоріи, подданствѣ и т. д. Наука уголовнаго права, останавливаясь на изученіи отдѣльнаго періода въ исторіи какого-либо народа, можетъ выяснить понятіе о преступленіи, покушеніи, умыслѣ, господствовавшія въ то время, о родахъ наказанія; она можетъ объяснить, какъ положенія обычнаго права и закона вліяли на число преступленій и другія стороны общественнаго быта. Но она даетъ намъ и общее ученіе объ умыслѣ, покушеніи, преступленіи, наказаніи, причемъ оставляетъ въ сторонѣ разновидности въ оцѣнкѣ этихъ явленій отдѣльными народами и въ разныя эпохи и ограничивается сведеніемъ во едино только наиболѣе общихъ, родовыхъ признаковъ явленій, составляющихъ предметъ ея изслѣдованія. То же имѣетъ мѣсто и въ политической экономіи. Экономистъ можетъ поставить себѣ задачей изученіе кредита въ древнихъ Греціи, Римѣ, землевладѣнія и земледѣлія въ средніе вѣка, торговли, денегъ, цѣнъ, заработной платы, ренты въ какой-либо одной странѣ или многихъ; онъ можетъ показать, какъ высота ренты или заработной платы въ

данное время вліяла на состояніе промышленности, какъ изобиліе денегъ или недостаточное развитіе кредита отражались на цѣнахъ, на положеніи внутренней или внѣшней торговли, какъ налоги или пошлины дѣйствуютъ на развитіе промышленности, какое значеніе для хозяйства даннаго народа имѣетъ принадлежность государству обширныхъ площадей земли и т. д. Но политическая экономія можетъ направить свою дѣятельность на изученіе только родовъ явленій и отношеній между этими родами. Въ послѣднемъ случаѣ она даетъ намъ общее понятіе о цѣнности, деньгахъ, кредитѣ, рентѣ, налогахъ; она опредѣляетъ признаки, отличающіе каждый родъ хозяйственныхъ явленій отъ всѣхъ другихъ родовъ; она показываетъ намъ, какъ измѣненія въ этихъ явленіяхъ, и притомъ наиболѣе общія и наиболѣе часто совершающіяся, вліяютъ на хозяйственную жизнь. Такъ, выдѣливъ, напр., кредитъ въ особый типъ хозяйственныхъ явленій, она показываетъ намъ, какъ вліяетъ кредитъ на сумму денегъ, необходимую странѣ для обмѣна, на уровень цѣнъ, на торговлю, на развитіе производства. Изучая налоги, какъ особый типъ хозяйственныхъ явленій, она показываетъ, какъ подати дѣйствуютъ на разныя стороны хозяйственной жизни и тѣмъ установляетъ экономическіе законы налоговъ и т. п. Приведенные примѣры показываютъ, что изслѣдованія историческое и теоретическое, въ равной мѣрѣ важныя для цѣлей познанія и практической дѣятельности, имѣютъ различныя задачи, неодинаковые матеріалы, а потому не должны быть смѣшиваемы между собою. Историкъ изучаетъ конкретныя явленія со всей совокупностью причинъ, которыя ихъ производятъ, и со всей суммой послѣдствій, которыя они влекутъ за собой; теоретикъ беретъ только самыя общія свойства явленій и изслѣдуетъ самыя общія отношенія между ними, установляетъ законы не отдѣльныхъ явленій, а родовъ. Какъ предъ антропологіей, въ общемъ родовомъ понятіи о человѣкѣ, сглаживаются особенности индоевропейска-

го, монгольскаго, малайскаго племенъ, какъ наука государственнаго права сводитъ къ государству и скованные властью деспота союзы древняго Востока и покоющіяся на широко развитой личной свободѣ страны современнаго европейскаго запада,—такъ экономистъ-теоретикъ обобщаетъ явленія кредита, денегъ въ зародышѣ ихъ развитія, у народовъ, давно сошедшихъ со сцены исторіи, и въ современной Европѣ съ ея правильно организованной денежной системой и разнообразными кредитными сдѣлками и учрежденіями. Такимъ образомъ, мы получаемъ двѣ отрасли знанія, входящія въ составъ политической экономіи—*исторію экономическаго быта и теорію хозяйственныхъ явленій*. Къ послѣдней относится также часть науки о финансахъ, содержащая въ себѣ теорію государственныхъ доходовъ и государственнаго кредита.

Всякій, сколько нибудь знакомый съ экономической литературой, знаетъ, что экономисты никогда не упускали случая пользоваться данными исторіи. Писатели 16, 17 вѣка, установляя теоретическія положенія, даютъ и историческіе очерки. Сдѣлавъ, напр., опредѣленіе денегъ, монеты, кредита, процентовъ, они изображаютъ политику разныхъ государей, направленную на увеличеніе количества денегъ, причины порчи монеты, возникновеніе и развитіе банковъ, опеку надъ промышленностью и т. п. Здѣсь же были высказываемы и разные совѣты, пожеланія. Сочиненія, предшествовавшія физіократамъ, можно разсматривать, какъ историко-экономическіе очерки или собранія политико-экономическихъ правилъ съ разбросанными тамъ и сямъ зернами теоріи. Но эта особенность литературы объясняется младенческимъ состояніемъ теоріи: уже выработавъ нѣкоторыя общія положенія (напр., теорія раздѣленія труда, теорія денегъ), наука не возвышалась еще до теоретическаго изученія большинства явленій хозяйства, не ставила этого изслѣдованія своей важнѣйшей задачей и не сводила даже извѣстныхъ положеній въ цѣльную систему. Физіо-

краты поняли эту задачу и первые [6]) пытались создать цѣльную систему. Въ твореніяхъ физіократовъ историческіе очерки отходятъ на задній планъ. Адамъ Смитъ, завершивъ зданіе, начатое физіократами и создавъ систему теоретическихъ положеній, отвелъ должное мѣсто и исторіи экономическаго быта. Посвящая третью и четвертую книги своего сочиненія исторіи экономическаго быта, представляя намъ развитіе общественнаго хозяйства Европы отъ временъ паденія западной Римской Имперіи, вліяніе на отдѣльныя страны меркантильной политики и т. д., и выдѣляя историческое изложеніе изъ теоретическаго, онъ дѣлаетъ *первый важный шагъ* и для основанія исторіи хозяйственнаго быта, какъ особой и самостоятельной части науки. Примѣръ, поданный Адамомъ Смитомъ, былъ забытъ; экономисты, воспитанные въ школѣ Рикардо и Сэя, ограничивались разработкой теоріи; но примѣръ этотъ достоинъ подражанія. Теперь, когда накопились историческіе матеріалы въ чрезвычайномъ изобиліи и совершенно измѣнился самый способъ изучать и писать исторію, нельзя довольствоваться историко-экономическими очерками прежнихъ образцовъ: теперь можетъ быть написана экономическая исторія многихъ народовъ съ такою полнотой, что дастъ яркую картину развитія всѣхъ сторонъ ихъ хозяйственнаго быта. Работы въ этомъ направленіи, дающія обширное поле для проявленія знаній и таланта, умножаются съ каждымъ годомъ, но, какъ бы ни подвинулось развитіе этой части политической экономіи, смѣшеніе ея съ теоріей можетъ причинить только невыгоды. Экономистъ можетъ быть историкомъ и теоретикомъ; онъ можетъ соединять изъ разныхъ побужденій теорію и исторію, но плодотворность его работы останавливается тамъ, гдѣ онъ намѣревается пополнить теорію изъ исторіи, или вдвинуть историческія явленія въ рамки, которыя ставитъ теорія. Работа его перестаетъ быть плодотворной потому, что здѣсь начинается соединеніе разнородныхъ вели-

чинъ, родовъ съ особями, отвлеченнаго съ конкретнымъ. Такимъ образомъ, историческая школа въ политической экономіи только тогда станетъ на вѣрную дорогу, когда внесетъ въ свои труды то строгое раздѣленіе матеріала, примѣръ котораго данъ еще Адамомъ Смитомъ.

Мы считаемъ нужнымъ рѣшительно высказаться противъ соціолого-экономическаго направленія, противъ отождествленія политической экономіи съ соціологіей. Первая, изслѣдуя только одну область явленій общественныхъ, входитъ въ составъ послѣдней, относится къ ней, какъ частное къ общему. Но развитіе наукъ можетъ быть успѣшно только подъ условіемъ, что границы ихъ точно опредѣлены. Исторія науки даетъ намъ для этого поучительныя указанія. Пытливый умъ древняго грека стремился открыть законы явленій. Слабое накопленіе знаній и недостатокъ научной опытности препятствовали свести явленія къ группамъ и сдѣлать каждую изъ нихъ предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія. Поэтому всѣ явленія соединялись въ одно цѣлое, космосъ, и приводились къ основному созидающему и движущему началу — числу, огню, водѣ, воздуху. Только на вершинѣ развитія эллинской науки ученіе о внѣшней природѣ отдѣляется отъ ученія объ общественной жизни, а послѣднее, обнимая весь государственный бытъ, заключаетъ въ себѣ и явленія хозяйства. Долгая и упорная работа мысли повела къ выдѣленію частей изъ цѣлаго и обособленію ихъ въ самостоятельныя науки [7]). Въ концѣ прошлаго вѣка это обособленіе коснулось и явленій хозяйства, сдѣлавшихся предметомъ самостоятельной науки. Этотъ процессъ повелъ къ чрезвычайнымъ успѣхамъ естественныхъ наукъ; онъ же содѣйствовалъ раскрытію и многихъ законовъ хозяйственныхъ явленій. Никто никогда не отрицалъ, что хозяйство стоитъ въ тѣсной связи съ правомъ и нравственностью, со всѣми сторонами общественнаго быта; но для успѣшнаго его изученія необходимо разсмотрѣніе его, какъ самостоятель-

наго цѣлаго. Цѣлое познается только путемъ изученія частей: и соціологія, какъ наука о всѣхъ сторонахъ общественнаго быта, тѣмъ скорѣе станетъ на подобающую высоту, чѣмъ болѣе успѣховъ сдѣлаетъ изученіе отдѣльныхъ частей соціологіи.—Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ возразить тѣмъ экономистамъ этого направленія, которые находятъ возможнымъ теперь и еще долгое время только накопленіе матеріала, только описательную работу и предоставляютъ будущимъ поколѣніямъ построить изъ него науку экономіи-соціологіи. Если описательная работа, для признанія ея удовлетворительной, должна обнять всѣ частности быта каждаго народа; если ни одно изъ малочисленныхъ и вымирающихъ племенъ дикарей не должно остаться неизслѣдованнымъ,—если изученіе должно идти въ такія детали, до какихъ доходятъ монографіи по исторіи и статистикѣ различныхъ политическихъ и хозяйственныхъ учрежденій, функцій разныхъ общественныхъ силъ,—то описательная работа не будетъ окончена никогда. Уже забывая о доставленіи каждымъ годомъ, мѣсяцемъ, днемъ все новыхъ и новыхъ матеріаловъ, за которыми не можетъ поспѣть наблюденіе,—и въ старомъ, давно ставшемъ достояніемъ исторіи, всегда будутъ пробѣлы, которые не позволятъ считать описательную работу законченной: какъ-бы далеко ни входили изслѣдователи въ изученіе деталей, всегда останутся еще неизвѣстныя частности, которыя будутъ мѣшать признанію работы удовлетворительной. Чѣмъ болѣе ученыя силы углубляются въ объясненіе частностей, чѣмъ болѣе спеціализируется научный трудъ, тѣмъ менѣе вѣроятія ожидать, что будетъ, наконецъ, признано наступившимъ время построенія науки. Мы полагаемъ, что накопленный матеріалъ достаточенъ или почти достаточенъ для построенія и соціологіи. Многія частности быта даже наиболѣе видныхъ народовъ неизслѣдованы; многія мелкія племена дикарей вовсе неизвѣстны; но едва-ли найдутся классы общественныхъ явленій, по которымъ

не было бы собрано много фактовъ у народовъ разныхъ расъ, разныхъ эпохъ и разныхъ ступеней культуры. Не утверждая съ полной увѣренностью, что-бы для соціологіи былъ накопленъ достаточный матеріалъ и выдѣляя политическую экономію въ самостоятельную вѣтвь соціологіи, мы убѣждены, что для науки о хозяйствѣ матеріалъ собранъ въ избыткѣ. Въ особенности онъ долженъ быть признанъ достаточнымъ для построенія теоретической экономіи. Ужели тѣ неисчерпаемыя данныя, которыя мы имѣемъ о деньгахъ въ разные періоды исторіи европейскихъ народовъ, въ древнемъ мірѣ, среди некультурныхъ племенъ нашего времени, какихъ-нибудь киргизовъ, сибирскихъ инородцевъ, на гвинейскихъ берегахъ и т. д., недостаточны для изученія типа денегъ, для познанія всѣхъ свойствъ, съ которыми должны выступать деньги и съ которыми онѣ всегда являлись въ исторіи? Или мы имѣемъ недостаточно данныхъ, что-бы опредѣлить типъ кредитныхъ учрежденій и ихъ функцій? То же можно сказать и о другихъ классахъ хозяйственныхъ явленій. Но если теоретическая экономія, пользующаяся дедуктивной методой, и не нуждается въ обильномъ накопленіи фактовъ, то послѣдніе должны быть въ изобиліи для построенія исторіи хозяйственнаго быта. Мы полагаемъ, что и для этой цѣли есть уже довольно матеріала и что здѣсь болѣе умѣстенъ вопросъ не о томъ, изъ чего строить исторію, но,—какъ ее строить?

По скольку не можетъ быть оправдано вышеуказанное смѣшеніе различныхъ отраслей знанія, по стольку нельзя одобрить и переплетеніе теоріи съ политикой. Экономистъ, по суммѣ знаній и обширной опытности, можетъ быть способенъ и даже обязанъ подавать свой голосъ по экономическимъ мѣропріятіямъ, исходящимъ отъ государственной власти или отдѣльныхъ общественныхъ группъ Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, можетъ указать тѣ сферы хозяйственной дѣятельности, въ которыхъ свободное соперничество частныхъ хозяйствъ долж-

но подлежать ограниченію, тѣ отрасли промышленности, которыя наиболѣе требуютъ государственнаго вмѣшательства, тѣ разряды благъ, которые не должны быть предметомъ права частной собственности, тѣ мѣры, которыя полезно принять относительно денегъ, кредита, переселеній. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ выходитъ за предѣлы круга, въ который включена наука политической экономіи; онъ дѣйствуетъ не въ качествѣ экономиста-теоретика или экономиста-историка, а въ качествѣ политика, для котораго главной опорой служатъ знанія, почерпнутыя изъ теоріи экономіи и изъ исторіи хозяйственнаго быта. Какъ химикъ, изслѣдуя извѣстныя свойства тѣлъ, законы ихъ соединенія и дѣйствія, не подаетъ совѣтовъ относительно устройства химическихъ заводовъ, какъ механикъ, изучая законы движенія, не высказываетъ мнѣнія относительно системы производства, относительно примѣненія въ промышленности того или другаго двигателя, такъ и экономистъ только познаетъ отдѣльныя явленія или типы и соотношенія между типами съ одной стороны и фактами съ другой. Задача науки—изученіе въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ единицъ и группъ, законовъ, связующихъ отдѣльныя явленія и соотношеній между типами—не должна быть смѣшиваема съ задачами политики. Послѣдняя ставитъ идеалы и указываетъ на пути къ ихъ осуществленію. Задачи первой рѣшаются въ границахъ, отдѣляющихъ ее отъ другихъ самостоятельныхъ отраслей знаній. Задачи второй гораздо сложнѣе: она познаетъ нужды общества и созидаетъ идеалы на основаніи всего матеріала, который ей доставленъ о разныхъ сторонахъ общественнаго быта, и намѣчиваетъ пути при помощи данныхъ, которыя добыты всѣми науками объ обществѣ. Смѣшеніе этихъ областей, какъ разнородныхъ величинъ, является уже крупной логической ошибкой; но она, кромѣ того, можетъ препятствовать развитію одной или другой; умъ, который, изслѣдуя явленія, пріобщаетъ къ каждому добытому

положенію и указаніе, что должно быть сдѣлано въ той или другой сферѣ общественной жизни, склоненъ или къ недовольно внимательному изученію законовъ явленій или къ поспѣшному построенію идеаловъ и указанію путей, къ нимъ ведущихъ. А это наноситъ ущербъ одному или другому или обоимъ вмѣстѣ.

Мы приходимъ къ выводу, что теоретическое направленіе не напрасно удержалось въ политической экономіи: понимая важность своей задачи — теоретическаго изученія явленій хозяйства, — оно осталось вѣрно образцамъ, которые дали намъ экономисты-классики. Сторонники этого направленія (или временно становившіеся ими) обогатили за послѣднія десятилѣтія науку рядомъ важныхъ положеній. Но одна теорія, какъ уже было указано, недостаточна: другой необходимой составной частью политической экономіи является исторія хозяйственнаго быта. Рядомъ съ этими частями, но внѣ политической экономіи, какъ науки, стоитъ ученіе объ экономической политикѣ: получая для себя точки опоры въ теоріи и исторіи, это ученіе даетъ совокупность правилъ о дѣятельности общественныхъ силъ для измѣненія и улучшенія экономическаго быта. Отвѣчая на вопросъ, что должно быть, и не изслѣдуя существующаго, это ученіе можетъ быть предметомъ разработки экономиста, но не входитъ въ составъ политической экономіи, какъ науки, а образуетъ особую систему — *ученіе объ экономическомъ искусствѣ*.

IV.

Раздѣленіе всей области политической экономіи на двѣ необходимыя составныя части облегчаетъ рѣшеніе вопроса о дедуктивной и индуктивной методахъ, вопроса, который, особенно за послѣднія десятилѣтія, такъ часто становится предметомъ разногласій.

Къ познанію явленій можно прійдти обоими путями, индуктивнымъ и дедуктивнымъ, но цѣнность добытыхъ выводовъ и возможность заключать отъ прошедшаго и настоящаго къ будущему въ обоихъ случаяхъ не одна и та же.

Положенія теоріи политической экономіи могутъ быть добыты путемъ индукціи. Въ этомъ случаѣ задача теоріи сводится къ построенію типовъ явленій и отношеній между типами, какъ ихъ даетъ дѣйствительность. Индуктивная метода не въ равной степени содѣйствуетъ рѣшенію этихъ обѣихъ задачъ. Прежде всего — познаніе типовъ. Оно дается только продолжительнымъ наблюденіемъ явленій, опредѣленіемъ ихъ признаковъ и классификаціей. Дабы деньги, напр., могли быть выдѣлены въ особый типъ явленій, дабы можно было утверждать, что онѣ имѣютъ своими функціями служить орудіемъ обмѣна, мѣриломъ цѣнностей, платежнымъ средствомъ и т. д., умъ долженъ наблюдать за фактами денежнаго обращенія и изъ нихъ отвлекать свойства, всегда сопровождающія деньги. Дабы сложилось ученіе о формахъ производства, необходимо наблюденіе самостоятельныхъ въ производствѣ единицъ и указаніе на семейную связь (кустарничество), господство и подчиненіе (рабовладѣльческое хозяйство), свободный договоръ (предпріятіе съ наемными работниками), какъ начала, соединяющія участниковъ Наблюденіе, приводящее къ обобщеніямъ и установленію типовъ, можетъ быть много объемлюще или ограничено въ предѣлахъ, охватывать множество случаевъ прошедшаго и настоящаго или единичныя явленія, окружающія наблюдателя, вѣрно или ошибочно, — для построенія типовъ нѣтъ инаго пути, кромѣ индуктивной методы. Типы политической экономіи могутъ быть уподоблены аксіомамъ геометріи: какъ одни, такъ и другія опираются на широкое наблюденіе, которое и ведетъ къ отмѣчиванію отличительныхъ признаковъ родовъ. Геометръ, опредѣляя прямую линію, какъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, осно-

вывается на безчисленныхъ наблюденіяхъ, которыя всегда убѣждали въ неотъемлемости этого свойства прямой линіи. И экономистъ, опредѣляя деньги, какъ орудіе обмѣна и мѣрило цѣнности, сводитъ къ этимъ немногимъ словамъ результаты милліоновъ наблюденій надъ деньгами. Чѣмъ шире основанія, на которыхъ экономистъ строитъ типы, чѣмъ обильнѣе знанія о прошломъ и настоящемъ, тѣмъ больше вѣроятія предполагать, что типы классифицированы соотвѣтственно съ важнѣйшими признаками и дальнѣйшія изслѣдованія внесутъ въ лѣствицу типовъ немного измѣненій. [8])

Иное дѣло—установленіе законовъ, какъ отношеній между типами. Какъ бы далеко ни распространялось статистическое наблюденіе, какъ-бы много ни охватывало оно дѣйствующихъ въ общественной жизни силъ, съ какою-бы тщательностью оно ни производилось, оно даетъ намъ только эмпирическіе законы, отражающіе въ себѣ дѣйствительность лишь въ предѣлахъ пространства и времени, въ которыхъ были совершены наблюденія. Нельзя быть увѣреннымъ, что въ мѣстахъ, не объятыхъ статистическими наблюденіями, не дѣйствуютъ особыя, еще непознанныя нами силы. Тѣмъ болѣе нельзя ручаться, что законы, добытые этимъ путемъ для послѣдней четверти 19 вѣка, будутъ тожественны эмпирическимъ законамъ 20-го столѣтія. Можно-ли посредствомъ индукціи, вооруженной многочисленными и за долгіе періоды времени данными установить законъ, что налогъ, падающій на товары, привозимые изъ заграницы, удорожаетъ ихъ на внутреннемъ рынкѣ? Можно-ли считать такой законъ, добытый для ряда лѣтъ, истиннымъ и для каждаго момента въ будущемъ?—Очевидно, нѣтъ: точно отражая въ себѣ настоящее или какой-либо періодъ въ прошедшемъ, онъ можетъ быть совершенно непригоденъ для того или другаго момента въ будущемъ. Установленіе на заграничный товаръ новаго налога или возвышеніе стараго можетъ совпасть съ такимъ усовершенствова-

ніемъ въ производствѣ этого товара или такимъ изобиліемъ сырыхъ матеріаловъ, что, послѣ возвышенія налога, цѣна товара понизится. Можно-ли, слѣдуя за возвышеніемъ арендныхъ цѣнъ на землю въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ одной или многихъ странахъ, установить законъ, всегда и въ будущемъ способный вѣрно отражать въ себѣ дѣйствительность, что ростъ народонаселенія и увеличивающійся запросъ на пищу ведетъ къ повышенію ренты.—Такое утвержденіе легко можетъ быть ошибочно. Нѣсколько новыхъ и крупныхъ открытій въ земледѣльческой химіи, успѣхи въ сельскохозяйственной технологіи, замѣна экстензивнаго хозяйства интензивнымъ, болѣе цѣлесообразное размѣщеніе людей по данной территоріи легко могутъ дать въ 20-мъ или другомъ какомъ-либо столѣтіи періодъ, когда ростъ народонаселенія будетъ сопровождаться пониженіемъ ренты. Такимъ образомъ, индуктивная метода не ведетъ къ установленію въ политической экономіи законовъ, которые всегда соотвѣтствовали-бы дѣйствительности. Установляя ихъ, она должна пріобщать къ нимъ оговорки: „они всегда истинны, если ихъ не измѣняютъ тѣ или другія условія.“ Но и слѣдуя методѣ дедуктивной, наука установляетъ положенія, которыя, съ приведенными оговорками, могутъ быть перенесены въ дѣйствительность и способствовать объясненію явленій дѣйствительной жизни. Однако, ограниченная примѣнимость положеній, добытыхъ индуктивно, не лишаетъ этихъ эмпирическихъ законовъ, какъ будетъ показано ниже, важнаго значенія для науки о хозяйствѣ.

Дедуктивная методa въ своемъ чистомъ видѣ, какъ она примѣняется въ геометріи, имѣетъ и для политической экономіи то важное значеніе, что ведетъ къ установленію законовъ явленій, которые имѣютъ всеобщее значеніе независимо отъ пространства и времени. Это не означаетъ, что бы законы добытые дедуктивно, съ полной точностью отражали въ себѣ дѣйствительность; теорія и не стремится къ этому. Но, пред-

полагая дѣйствующею только какую-нибудь одну силу, она изучаетъ ея вліяніе на явленіяхъ разныхъ типовъ и раскрываетъ намъ постоянное соотношеніе между ними. Изслѣдователь, пользуясь дедукціей, исходитъ изъ положенія, что явленіе, совершившееся извѣстнымъ образомъ, при наличности такихъ-то условій, всегда и вездѣ совершается тожественно, насколько не измѣнились окружающія его условія. Экономистъ, признавая разсчетъ, самолюбіе главною силой, движущей человѣкомъ въ хозяйственной дѣятельности, раскрываетъ отношенія между типами хозяйственныхъ явленій, какъ они слагаются подъ вліяніемъ только этой силы. Утверждая, что, подъ вліяніемъ только этой движущей силы, прибыли различныхъ производствъ стремятся къ одному уровню, рыночныя цѣны приближаются къ цѣнности, налогъ на товары удорожаетъ ихъ и т. д., наука не говоритъ намъ, что явленія дѣйствительности всегда оправдываютъ эти положенія, но лишь то, что, насколько факты совершаются подъ вліяніемъ одного самолюбія, они строго подтверждаютъ добытые законы. Этотъ характеръ утвержденій теоріи позволяетъ намъ признать за ними полную точность. Невозможность провѣрить ихъ на единичныхъ фактахъ доказываетъ отнюдь не ихъ неточность, а тѣмъ менѣе ихъ противорѣчіе даннымъ дѣйствительной жизни: она указываетъ только на ихъ *односторонность*, на изученіе дѣйствія одной силы, руководящей людьми, а не всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ силъ, изъ столкновенія которыхъ должны быть объясняемы отдѣльныя явленія дѣйствительности. Здѣсь умѣстно припомнить слова Гельфериха, которыми онъ доказываетъ правильность методологическихъ пріемовъ Тюнена въ его „Уединенномъ государствѣ“ и не противорѣчіе выводовъ Тюнена даннымъ дѣйствительности. Идеальная политическая экономія Тюнена „не противорѣчитъ условіямъ дѣйствительной жизни, какъ это часто бываетъ съ идеалами философовъ права и государства.

Напротивъ, здѣсь люди изображаются такими, каковы они въ дѣйствительности; какъ здѣсь, такъ и тамъ хозяйственный разсчетъ побуждаетъ ихъ стремиться къ полученію наибольшаго дохода. Одинаковы и внѣшнія условія, почва, плодородіе, удобства сбыта. Въ уединенномъ государствѣ есть всѣ тѣ моменты, которые даетъ дѣйствительная жизнь. Но они упорядочены такимъ образомъ, что каждый въ своемъ значеніи для хозяйства можетъ быть наблюдаемъ отдѣльно отъ другихъ, а не является соединеннымъ съ ними, какъ въ дѣйствительной жизни.“ [9]) Какъ ни просты положенія, изъ которыхъ исходитъ теорія, какъ ни прозрачно ясна цѣль, ради которой экономія изучаетъ хозяйство, слагающееся подъ вліяніемъ только самолюбія, — въ литературѣ мы находимъ многочисленныя нападки не только на теорію, построенную на самолюбіи, но чуть не на нравственныя качества писателей, вѣрныхъ ей въ научныхъ изысканіяхъ. — Еще недавно Ингрэмъ въ рѣчи, обратившей на себя вниманіе экономистовъ, сдѣлалъ классической школѣ упрекъ, что она строитъ законы хозяйственныхъ явленій на предположеніи о стремленіи людей къ богатству, какъ единственномъ мотивѣ ихъ хозяйственной дѣятельности. Отсюда проистекаетъ и жесткое отношеніе къ рабочему классу, какъ орудію, предназначенному только для производства; отсюда — пренебреженіе къ другимъ неотъемлемымъ свойствамъ работниковъ, какъ людей, гражданъ, семьянъ; отсюда — и одностороннія, слишкомъ абсолютныя теоретическія и практическія положенія, на самомъ дѣлѣ, имѣющія только относительное значеніе.... Нечего и говорить, что Ингрэмъ, подобно множеству другихъ писателей, испытываетъ остроту своего копья о принципъ „laissez faire“ [10]) — Полное смѣшеніе науки и искусства, отожествленіе экономіи съ соціологіей, странная обидчивость, что теорія не имѣетъ предметомъ своего изслѣдованія рабочихъ-семьянъ, рабочихъ-гражданъ, какъ будто она изучаетъ капиталистовъ или

землевладѣльцевъ внѣ сферы ихъ хозяйственной дѣятельности,— вотъ чѣмъ можетъ ограничиться возраженіе Ингрэму. Гораздо менѣе понятно читать у другаго, всѣмъ извѣстнаго и много сдѣлавшаго для науки писателя длинныя разсужденія о различіи между самолюбіемъ и своекорыстіемъ, о томъ, что „эгоизмъ стоитъ на ряду съ другими свойствами характера," что, „самолюбіе не стоитъ въ противорѣчіи съ любовью къ семьѣ, къ ближнимъ, къ отечеству," что оно, „не отрицаетъ общаго блага, что „купецъ не всегда стремится къ наибольшему барышу, но, какъ честный человѣкъ, довольствуется нерѣдко и умѣренной прибылью," что „самолюбіе, какъ основаніе для вывода законовъ хозяйства, можетъ быть объяснено только духомъ времени, когда вся задача государства сводилась къ охраненію личности и частнаго имущества, а народъ отожествлялся съ суммой отдѣльныхъ людей„ [11]) и т. п.—Каковы бы ни были нападки, какъ-бы въ литературѣ будущаго ни изощрялась критика въ отысканіи новыхъ недостатковъ дедуктивной теоріи—всѣ эти нападки проистекаютъ только изъ смѣшенія двухъ различныхъ родовъ изслѣдованія явленій—теоретическаго и историческаго. И ужь, конечно, А. Смитъ, оставившій намъ „Теорію нравственныхъ чувствъ," зналъ не менѣе любаго изъ своихъ критиковъ, что никогда отъ сотворенія міра, ни одинъ человѣкъ (будь то Плюшкинъ) не руководствовался въ своей хозяйственной дѣятельности только эгоизмомъ. Но преобладаніе самолюбія, какъ движущей въ хозяйствѣ силы, при извѣстномъ общественномъ строѣ, оправдываетъ построеніе теоріи именно на этой посылкѣ. Поэтому, мы считаемъ излишнею уступку Дитцеля историческому и соціологическому направленіямъ, когда онъ, оправдывая принятіе эгоизма за посылку съ точки зрѣнія методы, находитъ ее не правильной съ точки зрѣнія содержанія; такъ какъ не всѣ хозяйственныя явленія и даже не большинство ихъ построены на эгоизмѣ, то Дитцель и предлагаетъ взять за

руководящую силу „хозяйственный разсчетъ," какъ принципъ, который является „въ нравственномъ отношеніи безразличной посылкой." По мнѣнію автора, эта посылка, не измѣняя ничего, уже добытаго теоріей, болѣе правильна потому, что въ основаніи хозяйственнаго разсчета могутъ лежать различныя побужденія. [12]) Такимъ образомъ, самъ авторъ признаетъ маловажность этой замѣны. Но примѣры, которыми онъ хочетъ доказать бо́льшую пригодность своей посылки, убѣждаютъ, что онъ только замѣняетъ одинъ терминъ другимъ и вовсе не дѣлаетъ дедуктивной школы неуязвимою для тѣхъ, кто привыкъ отрицать ея значеніе. Когда онъ говоритъ, что рабочій классъ, стремясь выговорить наивысшую плату, руководствуется побужденіями не себялюбія, а любви къ семьѣ, что купецъ, наживая милліоны, стремится окружить наибольшимъ блескомъ свой торговый домъ, землевладѣлецъ, сдавая участки тѣмъ, кто даетъ наибольшую плату, имѣетъ въ виду собрать крупныя суммы для цѣлей политическихъ или филантропіи, то у читателя возникаетъ вопросъ, что-же разумѣетъ Дитцель подъ эгоизмомъ? Ужели только стремленіе человѣка пріобрѣсти богатство и желаніе въ одиночку, даже безъ членовъ семьи или добрыхъ друзей, все добытое прожить, проѣсть, пропить или положить въ крѣпкій ларецъ и въ ночной тиши наслаждаться созерцаніемъ сокровищъ? Разъ принято противополагать эгоизмъ альтруизму, то какъ-же не отнести къ первому желанія придать своему торговому дому блескъ посредствомъ милліоновъ, наживаемыхъ, конечно, при многочисленныхъ невыгодахъ для рабочихъ классовъ? Или развѣ можно говорить объ отсутствіи эгоизма въ ирландскомъ землевладѣльцѣ, ставящемъ въ тяжелыя условія арендаторовъ, дабы были получены крупныя средства на дѣла филантропіи? Сомнительно, что-бы выгодность послѣднихъ перевѣшивала невыгоды, проистекающія изъ стѣсненнаго положенія поселянъ.— Ссылка на возвышенныя побужденія, лежащія въ основаніи

хозяйственнаго разсчета, способна нерѣдко вести къ ложнымъ заключеніямъ, какъ то доказываетъ Дитцель своими примѣрами, но безсильна дать теоріи какую-либо новую точку опоры.—Если положенія, добытыя въ политической экономіи дедуктивно, не противорѣчатъ дѣйствительности, то и гипотетичными—какъ часто злоупотребляютъ этимъ терминомъ!—нужно признавать ихъ въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ. Положенія математики гипотетичны по отношенію, какъ къ посылкамъ, такъ и къ выводамъ: точка не имѣющая измѣреній, линія, имѣющая только одно измѣреніе, эти посылки для геометріи, гипотетичны, ибо въ природѣ нѣтъ такихъ точекъ и линій; гипотетичны и выводы геометріи, извлекаемые изъ этихъ условныхъ положеній. Не то представляютъ намъ, напр., химія или механика: первая изслѣдуетъ законы соединеній веществъ въ чистомъ видѣ, вторая—законы движенія въ безвоздушномъ пространствѣ; если многія вещества въ чистомъ видѣ и безвоздушномъ пространствѣ не даются или не часто даются природою, то могутъ быть получены путемъ искусственнаго опыта. Такимъ образомъ, дѣйствительность можетъ дать эти посылки, и гипотетичными являются только выводы. Положенія политической экономіи подобны въ этомъ отношеніи не геометрическимъ теоремамъ, а законамъ химіи или механики. Дѣлая точкой отправленія посылку о наличности въ человѣкѣ самолюбія, о стремленіи къ благосостоянію, о желаніи пріобрѣсти возможно больше благъ съ затратой наименьшаго труда, экономистъ опирается не на предположенія, а на несомнѣнные факты, наблюдаемые каждымъ изъ насъ ежедневно въ окружающей средѣ, провѣряемые и подкрѣпляемые нашимъ самосознаніемъ. Поэтому, гипотетичны, или условны дѣйствительны, только выводы; они совпадаютъ съ данными дѣйствительной жизни, когда нѣтъ на лицо противодѣйствующихъ условій. [13])

Преимущество дедуктивной методы предъ индуктивною для

теоріи обнаруживается въ томъ, что послѣдняя, поставляя себѣ болѣе широкую задачу—раскрыть законы во всей полнотѣ ихъ существованія,—не рѣшаетъ ея и не можетъ рѣшить и ограничивается построеніемъ эмпирическихъ законовъ, истинность которыхъ сомнительна внѣ круга произведенныхъ наблюденій. Первая же, ограничивая свою задачу изученіемъ законовъ, какъ они слагаются подъ вліяніемъ одной силы, даетъ положенія, не обнимающія явленій дѣйствительности во всей полнотѣ, но всегда истинныя независимо отъ времени и мѣста. Но къ такому пріему обращаются и естественныя науки: химія не изслѣдуетъ реальнаго золота или реальнаго кислорода, какъ они встрѣчаются въ дѣйствительности: она отдѣляетъ отъ веществъ, сопровождающихъ ихъ въ природѣ, и дѣлаетъ ихъ въ чистомъ видѣ предметомъ своего изученія. [14])

Законы, полученные приложеніемъ простой дедукціи, имѣютъ цѣну не только потому, что даютъ извѣстную сумму точныхъ знаній о вліяніи на общественную жизнь отдѣльныхъ силъ, не только потому, что, окаменѣвая въ учебникахъ, даютъ пищу любознательности кабинетныхъ людей съ брезгливымъ отношеніемъ къ неотложнымъ реальнымъ нуждамъ народа, но и потому, что *даютъ точку опоры для экономической политики*. Исходя изъ положенія о дѣятельности въ хозяйственной жизни одного самолюбія, теорія даетъ намъ не только точные законы въ вышеуказанномъ смыслѣ, но законы явленій, весьма близко подходящіе къ дѣйствительности; они весьма близки къ ней потому, что теперь (и, вѣроятно, довольно долго въ будущемъ) самолюбіе является самымъ могущественнымъ дѣятелемъ среди всѣхъ силъ, вліяющихъ на экономическую жизнь народа. Это не трудно подкрѣпить примѣрами. Законъ заработной платы, выведенный изъ отношенія капитала къ населенію и построенный на предположеніи о свободномъ соперничествѣ между нанимателями и работниками, выражаетъ стремленіе заработной платы къ низшему

уровню общественно-необходимыхъ потребностей. Этотъ законъ, построенный на немногихъ посылкахъ, оставляетъ безъ вниманія вліяніе многихъ дѣйствующихъ въ общественной жизни силъ. Онъ опускаетъ дѣйствіе не только такихъ единично проявляющихся силъ, какъ гуманность нѣкоторыхъ предпринимателей, (препятствующая имъ пользоваться возможностью понизить заработную плату) оплачивающихъ трудъ рабочихъ выше средняго уровня, нетолько отдѣльные случаи полученія нѣсколькими десятками или сотнями работниковъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности платы, превышающей среднюю, но и такія важныя общественныя силы, какъ стремленіе союзовъ рабочихъ регулировать плату, вмѣшательство государственной власти въ отношенія между нанимателями и работниками, установленіе таксы на извѣстные виды труда и т. п. Дабы законъ заработной платы точно соотвѣтствовалъ дѣйствительности, необходимо изучить вліяніе всѣхъ условій, которыя воздѣйствуютъ на него. Какъ ни многочисленны эти силы, кокъ ни далеко долженъ, повидимому, законъ, добытый простой дедукціей, отстоять отъ эмпирическаго закона заработной платы, однако, мы видимъ ихъ близкое соотвѣтствіе. Какіе выводы позволяютъ намъ сдѣлать статистическія данныя о заработной платѣ и бытѣ рабочихъ, данныя, накопленныя во многихъ странахъ и въ огромномъ количествѣ? Даютъ ли они намъ право заключить, что законъ заработной платы далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что плата или далеко не достигаетъ уровня общественно-необходимыхъ потребностей или въ теченіе долгихъ періодовъ на много превышаетъ этотъ уровень? Отнюдь нѣтъ. Статистическія данныя, правда, обнаруживаютъ дѣятельность силъ, опущенныхъ при установленіи закона: они показываютъ, что тѣсное сплоченіе работниковъ въ союзы и дѣятельное вмѣшательство общественной власти способствуетъ повышенію рабочей платы, но повышеніе не настолько велико, что бы мы находили въ дѣй-

ствительности рѣзкое отклоненіе отъ закона, установленнаго дедуктивно, и что бы мы могли признать условія и дѣятелей, служащихъ для этого закона посылками, затѣненными всѣмъ разнообразіемъ условій и многочисленностью силъ, которыя даетъ дѣйствительная жизнь.—Или возьмемъ другой, добытый дедуктивно законъ, законъ возрастанія поземельной ренты: рента возрастаетъ съ ростомъ народонаселенія. Формулированный въ такомъ простѣйшемъ видѣ, законъ этотъ опускаетъ вліяніе на ренту проведенія желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, улучшенія земледѣльческой культуры и усовершенствованныхъ машинъ; въ примѣненіи къ каждой отдѣльной странѣ онъ не касается вліянія на ренту внѣшней торговой политики, заполненія туземныхъ рынковъ иностранными земледѣльческими произведеніями, не касается политики переселеній, свободы передвиженія людей изъ однѣхъ мѣстностей государства въ другія и т. д. Статистическія данныя по землевладѣнію, земледѣлію и торговлѣ знакомятъ насъ съ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій и позволяютъ установить эмпирическіе законы движенія ренты въ отдѣльныхъ странахъ и за отдѣльные періоды. Эти данныя убѣждаютъ насъ, что въ отдѣльныхъ странахъ и за отдѣльные періоды эмпирическіе законы не вполнѣ сходны съ закономъ, добытымъ дедуктивно, (такъ напр., мы переживаемъ періодъ пониженія ренты во многихъ странахъ), что совокупность силъ, которыя теорія считаетъ второстепенными, побѣждаетъ вліяніе важнѣйшаго дѣятеля. Но изученіе долгихъ періодовъ во всей полнотѣ дѣйствительности, убѣждаетъ, что временное отклоненіе эмпирическихъ законовъ отъ дедуктивнаго не уничтожаетъ послѣдняго, и что временно побѣжденная главная сила снова беретъ перевѣсъ, и законъ въ своемъ простѣйшемъ видѣ отражаетъ въ общихъ чертахъ дѣйствительность.—Эти и другіе примѣры, которыхъ можно было-бы привести очень много, показываютъ, что вся сила и все значеніе дедуктивно пост-

ренной теоріи объясняется выборомъ наиболѣе важныхъ условій и дѣятелей, опредѣляющихъ хозяйственную жизнь. Этотъ выборъ позволяетъ построить типы и законы, приближающіеся къ дѣйствительности, а потому *онъ дѣлаетъ теорію*, при всей ея кажущейся неполнотѣ, *и для практики въ высшей степени драгоцѣнной.*

Вмѣшательство государственной власти въ отношенія предпринимателей къ работникамъ считается одною изъ важнѣйшихъ составныхъ частей экономическаго законодательства, и законы о фабрикахъ, по справедливости, относятся къ важнѣйшимъ законодательнымъ актамъ нашего вѣка. До изданія законовъ о фабрикахъ и параллельно съ развитіемъ этого законодательства въ Европѣ повсемѣстно производились изслѣдованія быта рабочихъ. Эти изслѣдованія, накопившія только въ послѣднія десятилѣтія матеріалъ въ полнотѣ, позволяющей установить эмпирическіе законы заработной платы для отдѣльныхъ странъ, потому содѣйствовали развитію законовъ о фабрикахъ, что развертывали предъ обществомъ рядъ поистинѣ ужасающихъ картинъ изъ быта рабочаго класса. Эти картины, все болѣе накопляясь, производили давленіе на общество и на государственную власть и побуждали ее къ извѣстнымъ мѣропріятіямъ. Но напрасно было-бы думать, что сухія немногословныя теоретическія положенія, убѣждающія умъ, но не вліяющія быстро на чувство, положенія, вышедшія изъ подъ пера, напр., Рикардо, не способны дать точку опоры для мудраго правителя: разъ онъ знаетъ, какъ вліяетъ на уровень заработной платы свободное соперничество между работниками, разъ онъ знаетъ, какъ невыгодно всякое успленіе соперничества въ ихъ средѣ—ему естественно прійдти къ заключенію о полезности всѣхъ мѣропріятій государственной власти, способныхъ ослаблять соперничество: выселеніе, отвлеченіе отъ промышленности дѣтей и женщинъ—вотъ точки, которыя выпукло выдѣляются на фонѣ эконо-

мической политики, коль скоро умъ усвоилъ сухой, безстрастный, дедуктивно добытый законъ заработной платы. То же и съ закономъ ренты: формулированный въ простѣйшемъ видѣ, законъ ренты, убѣждая законодателя, что увеличеніе ренты съ ростомъ народонаселенія свидѣтельствуетъ о понижающейся производительности труда, приложеннаго къ земледѣлію, что оно особенно невыгодно въ силу поступленія ренты отдѣльнымъ членамъ общества, говоритъ ему о плодотворности всѣхъ мѣръ, способныхъ понизить ренту. Если-же теорія (и даже въ лицѣ самаго чистаго представителя дедукціи—Рикардо) указываетъ на нѣкоторыя мѣры, разъясняетъ вліяніе на ренту различныхъ родовъ улучшенія земледѣлія,—правительство, не относящееся съ легкимъ сердцемъ къ задачамъ внутренней политики, прямо можетъ внести въ свою программу содѣйствіе всѣмъ мѣрамъ по замѣнѣ экстензивныхъ системъ земледѣлія интензивными, сохъ—плугами, цѣповъ—молотилками, по переселенію подданныхъ изъ мѣстностей съ неплодородной почвой въ мѣста, болѣе плодоносныя и т. д. Или развѣ дедуктивно установленный законъ о постоянномъ соотношеніи между размѣрами торговыхъ оборотовъ въ странѣ и суммою денегъ ничего не даетъ для политики по выпуску бумажныхъ денегъ или банковыхъ билетовъ? Такимъ образомъ, теорія политической экономіи, построенная при помощи геометрической дедукціи, имѣетъ важное значеніе и для политики.

Дедуктивно построенная теорія политической экономіи даетъ точныя, но гипотетически вѣрныя положенія. Эти положенія не должны быть провѣряемы на фактахъ или отношеніяхъ дѣйствительной жизни, ибо такое сравненіе никогда не можетъ дать въ результатѣ полное сходство, вслѣдствіе вліянія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ силъ, которыя не послужили посылками для теоріи. Пользованіе конкретной дедуктивной методой (которую Дж. Ст. Милль считаетъ наиболѣе пригодною для науки объ обществѣ) можетъ измѣнить теорію,

построенную съ помощью простой дедукціи, но не можетъ увеличить точность ея положеній, ибо не можетъ быть не только вычислено напряженіе всѣхъ силъ, вліяющихъ на каждый фактъ или реальное отношеніе между предметами, но не могутъ быть даже обнаружены всѣ силы, которыя когда-либо въ будущемъ способны оказывать вліяніе на извѣстный кругъ общественныхъ явленій. Возьмемъ, напр., положеніе о стремленіи во всѣхъ производствахъ прибыли къ одному уровню. Анализъ техническихъ особенностей различныхъ производствъ, душевныхъ силъ, которыя, помимо хозяйственнаго разсчета, руководятъ предпринимателями въ ихъ отношеніяхъ къ производству, вмѣшательства государственной власти позволяютъ намъ внести много ограниченій въ этотъ гипотетическій законъ прибыли. Мы можемъ сказать, что это стремленіе парализуется различіемъ въ степени риска, связаннаго съ предпріятіемъ въ разныхъ производствахъ, различными соотношеніями между постояннымъ и оборотнымъ капиталами, привычкою предпринимателей къ своему занятію, привилегіями, исходящими отъ государства, строгимъ храненіемъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ промышленныхъ тайнъ, возможностью стачекъ между производителями и образованія монопольныхъ цѣнъ и т. п. Ссылаясь на дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ, мы ставимъ ограниченіе закону прибыли и измѣняемъ теорію. Но даемъ ли мы ей большую точность? Нѣтъ, наоборотъ: мы лишаемъ ее той опредѣленности, съ которой онъ является предъ нами у экономистовъ-классиковъ. Положеніе: „прибыль во всѣхъ производствахъ стремится къ одному уровню“ мы замѣняемъ положеніемъ: „прибыли въ различныхъ производствахъ иногда стремятся къ одному уровню иногда же нѣтъ.“ И послѣднее положеніе неопредѣленно не только потому, что даетъ двоякій отвѣтъ на вопросъ, но и потому, что въ перечисленіи силъ, которыя ограничиваютъ стремленіе прибылей къ одному уровню, мы не можемъ обнять всѣ, способныя

оказывать вліяніе на результатъ.—Вотъ почему для цѣлей чисто-теоретическаго познанія, думаемъ мы, нѣтъ надобности обращаться къ конкретно дедуктивной методѣ. [15]) Тѣмъ болѣе не нужно исправлять теорію ссылкой на невѣрность ея въ приложеніи къ фактамъ или реальнымъ законамъ. Одинъ глубокомысленный экономистъ новѣйшаго времени такъ говоритъ объ утвержденіи и отрицаніи положеній политической экономіи. Экономическая истина, „не будучи утвержденіемъ, касающимся порядка явленій, не можетъ быть ни установлена, ни отринута занесеніемъ въ протоколъ такихъ явленій, т. е. статистическими и документальными свѣдѣніями о ходѣ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ; но, выражая стремленіе, выведенное изъ извѣстныхъ началъ человѣческой природы, которыя она производитъ при извѣстныхъ физическихъ условіяхъ, она (экономическая истина) можетъ быть установлена только доказательствомъ существованія такихъ началъ и условій и разъясненіемъ, что указанное стремленіе есть необходимое слѣдствіе этихъ данныхъ; равнымъ образомъ, она можетъ быть отринута только указаніемъ, что предположенныя начала и условія не существуютъ или что стремленіе, которое законъ установляетъ, не вытекаетъ изъ этого предположенія, какъ необходимое слѣдствіе.“ [16])

Если, такимъ образомъ, теорія политической экономіи, исходящая изъ немногихъ посылокъ, даетъ точныя положенія, если она во всей полнотѣ раскрываетъ предъ нами дѣйствіе нѣкоторыхъ причинъ, если, наконецъ, она даетъ даже точку опоры для политики, то для чего изучать хозяйственную жизнь во всей ея реальности? для чего изучать дѣйствіе множества силъ, обнаруживающихся въ общежитіи, пользоваться матеріаломъ, который намъ даетъ индукція, опирающаяся на статистическія наблюденія?

Статистическое наблюденіе, идя рука объ руку съ изученіемъ исторіи, составляетъ главное орудіе для познанія хо-

яйственной жизни во всей ея дѣйствительности и для обнаруженія связи между явленіями въ пространствѣ и времени. Оно есть важнѣйшій путь къ познанію исторіи хозяйственнаго быта. Задача историка—воспроизведеніе фактовъ прошлаго и установленіе связи между группами фактовъ—сводится къ познанію всѣхъ дѣйствующихъ въ общественной жизни силъ и оцѣнкѣ ихъ результатовъ. Имѣя дѣло со временами, давно минувшими, относительно которыхъ нѣтъ наблюденій надъ массами случаевъ, историкъ-экономистъ или утрачиваетъ связь между хозяйственными явленіями, или установляетъ ее при помощи археологіи и филологіи (ихъ услуги часто подобны тѣмъ, которыя оказываетъ статистика), или же заключаетъ о ней по аналогіи съ тѣми положеніями, которыя добыты для позднѣйшихъ эпохъ на основаніи обильнаго и тщательно собраннаго матеріала. По мѣрѣ приближенія ко времени, когда статистическія наблюденія поставлены на правильныя основанія, историкъ хозяйственнаго быта читаетъ въ грудахъ цифръ связь между явленіями, какъ ее даетъ дѣйствительность; среднія числа обнаруживаютъ предъ статистикомъ дѣйствія наиболѣе общихъ причинъ; отклоненія показываютъ вліяніе силъ второстепенныхъ. Захвативъ въ свое вѣдѣніе всѣ случаи даннаго рода въ предѣлахъ извѣстнаго пространства и времени, онъ видитъ, какъ главная сила въ экономической жизни—хозяйственный разсчетъ—парализуется вмѣшательствомъ государства, чувствами дружелюбія, измѣненіями техники и т. п. Не къ наукѣ политической экономіи вообще, а къ этой составной ея части—исторіи [17])—должно быть отнесено положеніе Кэрнса, что, установивъ законы хозяйственныхъ явленій съ помощью важнѣйшихъ посылокъ, экономистъ „удостовѣряется относительно характера второстепенныхъ причинъ, физическихъ или духовныхъ, политическихъ или общественныхъ, которыя имѣютъ вліяніе на поведеніе людей въ ихъ стремленіи къ богатству.“ [18]) Принятіе въ разсчетъ этихъ силъ

теоретикомъ является только блѣднымъ и невыразительнымъ ихъ перечисленіемъ. Онъ этимъ не измѣняетъ и не исправляетъ теоріи а, приспособляя къ цѣлямъ практическимъ, только отклоняетъ ее отъ истиннаго назначенія. Но это — важнѣйшая задача экономиста-историка: только принимая въ разсчетъ всѣ дѣйствующія силы и отмѣчая ихъ вліяніе, онъ даетъ истинную исторію хозяйственнаго быта. Такимъ образомъ, насколько геометрическая дедуктивная метода есть исключительное орудіе теоріи, настолько статистико-индуктивная — исторіи.

Отсюда же можно вывести значеніе индуктивной методы для ученія объ экономической политикѣ. Это ученіе, на сколько предметомъ ему служитъ экономическая политика прошедшаго, цѣликомъ входитъ въ составъ исторіи хозяйственнаго быта. Историкъ-экономистъ не спрашиваетъ, велики ли практическія выгоды, которыя могутъ быть извлечены изъ представленной имъ картины хозяйственной жизни во всей ея реальной полнотѣ: изучая всѣ силы, обнаруживающіяся въ общественной жизни, и опредѣляя ихъ вліяніе на хозяйство, онъ показываетъ, какъ различныя мѣропріятія государственной власти въ данное время и среди даннаго народа дѣйствовали на экономическій бытъ, и стремится только къ одной цѣли—увеличенію знаній о прошлыхъ судьбахъ человѣчества. Познаніе слѣдствій, которыя вызывала экономическая политика въ прошломъ, можетъ дать точку опоры для политики настоящаго, можетъ вызывать одобреніе однѣхъ мѣръ и настойчивое воздержаніе отъ другихъ. Но давать эти точки опоры не есть обязанность экономиста-историка. Такимъ образомъ, ученіе объ экономической политикѣ, всегда болѣе или менѣе опирающееся на исторію, имѣетъ и другую сторону; оно обнимаетъ совокупность мѣръ, которыя *должны* исходить отъ государственной власти и другихъ общественныхъ силъ для воздѣйствія на хозяйственную жизнь народа; оно является подробной и мотивированной программой эко-

номическихъ мѣропріятій. Достиженіе цѣли лежитъ въ будущемъ; оцѣнка вліянія отдѣльныхъ мѣръ и цѣлой системы также принадлежитъ будущему; а потому и все ученіе выходитъ за предѣлы исторіи.

Экономистъ политикъ — будь то правитель, общественный дѣятель, частный человѣкъ — спрашиваетъ себя, что нужно дѣлать? и какъ нужно дѣлать? Общій отвѣтъ на первый вопросъ дается всѣмъ уровнемъ гражданственности каждаго отдѣльнаго народа или, какъ принято говорить, „духомъ времени;“ мы почерпаемъ этотъ отвѣтъ изъ духовной атмосферы, въ которой живемъ, усвоиваемъ его готовымъ изъ господствующихъ мнѣній, даже при маломъ знакомствѣ съ общественной жизнью. Если рабство или строгое раздѣленіе сословій признаются неотъемлемой принадлежностью общественнаго быта, то отвѣтъ будетъ одинъ Если исчезли юридическія различія между гражданами — отвѣтъ будетъ совсѣмъ иной? При современномъ уровнѣ гражданственности европейско-американскаго міра, отвѣтъ этотъ будетъ гласить: „наибольшее накопленіе народнаго богатства и, *особенно*, наиболѣе равномѣрное его распредѣленіе.“ Такою представляется цѣль экономической политики нашего времени. Этому слишкомъ общему отвѣту, какъ уже было указано, способна дать содержаніе теорія, построенная дедуктивно. Съ помощью только теоріи правитель можетъ занести въ программу законодательныхъ мѣропріятій руководство отношеніями между нанимателями и наемниками, содѣйствіе переселеніямъ, улучшеніе сельскаго хозяйства, регулированіе выпуска бумажныхъ денегъ и т. д. И изъ теоріи же, которая сама не рекомендуетъ ни одного мѣропріятія, можетъ быть получено оправданіе этого вмѣшательства, способнаго благопріятно вліять на экономическую жизнь народа.

Но политикъ, даже изъ простой любознательности, не можетъ довольствоваться этими общими отвѣтами: онъ хочетъ знать тѣ общественныя группы, которыя наиболѣе медлен-

но приближаются къ цѣли экономической жизни—успѣшному накопленію богатствъ и равномѣрному ихъ распредѣленію. Онъ знаетъ, что рента возрастаетъ и, поступая въ частную собственность, сильно препятствуетъ равномѣрному распредѣленію имуществъ; но ему неизвѣстны тѣ мѣстности, гдѣ возрастаніе идетъ особенно быстро, гдѣ населеніе особенно скучено и откуда переселенія наиболѣе необходимы или гдѣ улучшеніе земледѣльческой культуры могло-бы принести наибольшую выгоду. Онъ знаетъ, что заработная плата держится на уровнѣ только необходимыхъ потребностей работника, но ему неизвѣстны отрасли, гдѣ она стоитъ особенно низко и наиболѣе туго поднимается и т. п. Зная изъ теоріи дѣйствіе только важнѣйшей силы—самолюбія—онъ пріобрѣтаетъ чрезъ статистику знакомство съ вліяніемъ другихъ силъ, и, такимъ образомъ, съ помощью индуктивной методы, получаетъ подробный отвѣтъ на первый вопросъ; данныя, собранныя наблюденіемъ, точно опредѣляютъ ему и качественно и территоріально тѣ общественныя группы, которыя наиболѣе нуждаются во внѣшнемъ содѣйствіи для правильнаго движенія хозяйственной жизни.

Но, при начертаніи цѣльной системы хозяйственной политики, возникаетъ и другой вопросъ: какъ? въ какой гармоніи должны сочетаться общественныя силы для воздѣйствія на экономическій бытъ народа? Эти силы могутъ быть сведены къ тремъ группамъ: центральное правительство, мѣстное управленіе во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ и свободная—единоличная и собирательная—дѣятельность гражданъ. Ученіе объ управленіи, какъ теорія, можетъ установить предѣлы для дѣятельности каждой группы, исходя изъ различія между рядами интересовъ всего народа. Оно можетъ сказать, что интересы, общіе всѣмъ членамъ даннаго класса или всей территоріи, должны быть предметомъ вѣдѣнія центральнаго правительства; что другія нужды должны быть предметомъ

заботъ мѣстнаго управленія или свободной дѣятельности гражданъ. Такое дѣленіе, достаточное для цѣлей теоріи, конечно, не можетъ удовлетворить экономиста-политика. Такъ разграничивая весь кругъ хозяйственныхъ мѣропріятій, можно сдѣлать въ однихъ случаяхъ довольно, въ другихъ—мало, а въ третьихъ—и вовсе ничего. Не можетъ быть спора о томъ, есть-ли дѣло центральнаго правительства контроль надъ исполненіемъ законовъ о фабричныхъ работникахъ. Но воздѣйствіе, напр., на правильное распредѣленіе гражданъ по территоріи, политика переселеній служила и до сихъ поръ служитъ предметомъ спора. Что предоставить въ этой политикѣ общинамъ, земствамъ, частной благотворительности? Что должна взять на себя центральная власть? А въ такихъ вопросахъ, какъ улучшеніе жилищъ бѣдныхъ классовъ, поднятіе ремесленнаго искусства, содѣйствіе развитію сельскохозяйственной техники споровъ можетъ-быть гораздо больше. Такимъ образомъ, если для экономиста-политика важно знать это теоретическое раздѣленіе обязанностей, то еще важнѣе опредѣлить степень напряженія, съ которой дѣйствуютъ силы трехъ названныхъ нами группъ и отсюда—заключить объ уклоненіяхъ отъ теоріи которыя, во имя цѣлесообразности, должны быть сдѣланы при распредѣленіи между ними функцій на ближайшее будущее. Если за послѣднія десятилѣтія дѣятельность въ этомъ направленіи частныхъ лицъ обнаруживалась мало, если органы самоуправленія не несли обязанностей, которыя теоретически должны лежать на нихъ, то правительство должно взять на себя задачи, которыя, теоретически, не должны-бы подлежать его вѣдѣнію. Что-же обнаруживаетъ степень напряженія этихъ силъ?—Только индукція, только статистическое наблюденіе. Оно показываетъ, напр., что частная благотворительность не удовлетворяетъ и не большаго меньшинства нуждающихся въ призрѣніи, что органы мѣстнаго управленія не оказываютъ замѣтной под-

держки земледѣлію и другимъ отраслямъ промышленности, что нѣкоторые классы населенія не имѣютъ выгоднаго кредита; но оно же показываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свободная предпріимчивость дѣлаетъ многое для развитія ремесленнаго образованія, что она искусно регулируетъ нѣкоторыя стороны переселеній и мн. друг. Такимъ образомъ, изученіе громаднаго фактическаго матеріала, цѣнное и для одного познанія, еще болѣе важно *для экономіи силъ*, направленныхъ на улучшеніе народнаго хозяйства: это изученіе указываетъ, куда должна быта направлена дѣятельность общественныхъ силъ, что и сколько можетъ быть возложено на каждую изъ силъ для полученія съ наименьшими затратами наибольшихъ результатовъ.

Мы полагаемъ, что все изложенное показываетъ необходимость для политической экономіи обѣихъ методъ: дедуктивной—для теоріи и индуктивной—для исторіи хозяйственнаго быта и ученія объ экономической политикѣ.

V.

Перейдемъ теперь къ вопросу *о системѣ*. Систематизированіе всѣхъ знаній, относящихся къ каждой изъ составныхъ частей политической экономіи, важно уже для болѣе удобнаго обозрѣнія и изученія этихъ частей. Но изъ трехъ составныхъ частей вопросъ о системѣ особенно важенъ для теоріи, относительно которой въ экономической литературѣ прочно держится одно крупное недоразумѣніе. Исторію хозяйственнаго быта можно дѣлить на періоды натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства, на періоды преобладанія въ хозяйственной жизни природы, труда и капитала, какъ это и сдѣлано нѣкоторыми экономистами (Бруно Гильдебрандъ и Рошеръ); можно отыскать и другія точки опоры для дѣленія. Но во всѣхъ случаяхъ ясно, что составляетъ матеріалъ исторіи; не

подлежитъ сомнѣнію и однородность матеріала, доставленнаго дѣйствительной жизнью прошедшаго во всей ея полнотѣ. То же можно сказать и про ученіе объ экономической политикѣ. Какая-бы система ни была внесена въ него, несомнѣнно, что начертаніе мѣропріятій для достиженія цѣлей хозяйства составляетъ матеріалъ и что матеріалъ этотъ однороденъ. При всякой системѣ, мѣропріятія выводятся изъ совокупности условій, которыя даетъ жизнь народа.

Не то находимъ мы въ теоріи. Типы явленій и законы, управляющіе отношеніями между типами, представляются намъ въ двухъ образахъ въ связи съ посылками, изъ которыхъ дѣлаетъ теорія свои выводы.

Посылки, служащія точками отправленія для теоріи, почерпаются ею изъ наукъ о внѣшней природѣ и о человѣкѣ. Зная зависимость, въ которой находится хозяйство отъ условій климата, почвы, геометрическаго разрѣза земли, распредѣленія воды и суши, словомъ, физико-географическихъ условій, а также особенностей техники, теорія опредѣляетъ связь этихъ условій съ явленіями хозяйства и установляетъ нѣкоторые законы. Дальнѣйшими точками отправленія теоріи служатъ свойства тѣлесной природы человѣка: потребность во внѣшнихъ благахъ, способность людей къ размноженію. На этихъ свойствахъ она также строитъ свои положенія. Наконецъ, она даетъ намъ типы и законы, которые опираются на особенности духовной природы человѣка, проявляющіяся въ общежитіи. Къ первой группѣ положеній относятся, напр., всѣ утвержденія теоріи о вліяніи на успѣшность труда суровости и мягкости, сухости и влажности климата, почвы, орудій и машинъ; сюда относятся всѣ утвержденія относительно сотрудничества, капитала, законовъ ренты. Изъ посылокъ второй группы выводятся положенія о благѣ, какъ экономической категоріи, о соотношеніяхъ между благами и ихъ взаимной зависимости, о законѣ населенія. На основаніи посы-

локъ третьяго ряда она даетъ намъ типы обмѣна, заработной платы, денегъ и т. п.

Не трудно подмѣтить различія между посылками этихъ трехъ родовъ и между типами и законами, которые на нихъ созидаются. Внѣшняя природа подчиняется власти человѣка и въ извѣстной степени измѣняется ею. Орудія и техническія приспособленія создаются человѣкомъ. Но, при всѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣваетъ общественная жизнь, тѣ и другія существуютъ всегда и даютъ рядъ типовъ и законовъ, пригодныхъ во всякое время, на всѣхъ ступеняхъ культуры, вѣчныхъ. Опредѣленіе капитала, какъ „совокупности внѣшнихъ предметовъ, служащихъ для дальнѣйшаго производства“ есть опредѣленіе одного типа хозяйственныхъ явленій, присущаго каждому хозяйству и всѣмъ ступенямъ гражданственности. Законы производительности труда, выраженные въ положеніяхъ, что успѣшность труда возрастаетъ по мѣрѣ успѣховъ раздѣленія труда, по мѣрѣ увеличенія постояннаго капитала на счетъ оборотнаго, по мѣрѣ замѣны человѣка, какъ двигателя, механическими двигателями, или законы массы труда, выраженные въ положеніяхъ, что на массу труда имѣетъ вліяніе распредѣленіе народонаселенія по возрастамъ, или законъ движенія ренты,—что рента возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія различій между частями внѣшней природы, къ которымъ прилагается человѣческій трудъ,—эти и многія другія положенія выражаютъ истины *вѣчно реальныя, ни когда не могущія представлять только историческій интересъ, но всегда и вездѣ отражающія въ себѣ жизнь дѣйствительную*. То же слѣдуетъ сказать и о положеніяхъ, основанныхъ на посылкахъ втораго ряда: опредѣленіе блага, какъ типа, всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности; отношенія между рядами благъ, обнаруживающихъ одну систему, между народонаселеніемъ и средствами продовольствія всегда и вездѣ представляютъ законы типовъ данныхъ явленій.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются выводы изъ посылокъ третьяго ряда. Духовныя силы человѣка, проявляющіяся въ общежитіи, сознательно или безотчетно, творятъ формы хозяйства. На сценѣ исторіи выступаютъ, подъ вліяніемъ этой творческой дѣятельности, такіе типы, которые обусловливаются характеромъ духовныхъ силъ, преобладающихъ въ данномъ періодѣ. Долго или коротко существуютъ эти типы и законы, выражающіе отношенія между ними,—тѣ и другіе исчезаютъ, коль скоро въ общественной жизни обнаруживается преобладаніе другихъ силъ. Пояснимъ наше положеніе на примѣрѣ денегъ. Деньги по всей справедливости могутъ быть выведены изъ безотчетно дѣйствующаго въ человѣкѣ стремленія къ достиженію извѣстныхъ экономическихъ выгодъ; нѣтъ основанія приписывать ихъ происхожденіе соглашенію между людьми, договору: гораздо правильнѣе объяснить ихъ проявленіемъ у многихъ людей, при достаточномъ развитіи обмѣна, одной и той же потребности въ орудіяхъ обращенія. Эта потребность, все болѣе выяснявшаяся изъ отдѣльныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, повела къ предпочтенію благородныхъ металловъ, какъ матеріала для денегъ, и сообщила послѣднимъ всѣмъ извѣстныя функціи. Выступая въ теченіе долгихъ историческихъ періодовъ съ этими функціями, деньги могутъ быть опредѣлены, какъ типъ. Занявъ извѣстное мѣсто въ хозяйственномъ оборотѣ, деньги тѣсно связаны съ другими явленіями, и теорія установляетъ законы денежнаго обращенія: взаимную связь между количествомъ и быстротой обращенія денегъ съ одной стороны и суммою цѣнъ товаровъ съ другой,—вліяніе на цѣны товаровъ увеличенія запаса денегъ, вліяніе на усиленіе одной функціи денегъ ослабленія ихъ другихъ функцій, вліяніе на денежный рынокъ состоянія кредита и т. д. Или возьмемъ законъ тяготѣнія заработной платы къ уровню необходимыхъ потребностей работника или законъ зависимости высоты заработной платы отъ особен-

ностей труда, которыя подробно перечислены еще Адамомъ Смитомъ. Можно-ли эти типы и законы координировать положеніямъ, добытымъ изъ посылокъ двухъ первыхъ разрядовъ? Нѣтъ, ибо и самыя посылки не могутъ быть координированы. Въ первомъ случаѣ посылками служатъ факты, уничтожить которые человѣкъ не властенъ, во второмъ—такіе, которые могутъ быть устранены измѣненнымъ сочетаніемъ силъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни Законы денегъ и заработной платы зиждутся на обмѣнѣ, какъ отличительной чертѣ хозяйственнаго быта, и правѣ частной собственности, какъ краеугольномъ камнѣ всего юридическаго порядка. Обратимся въ отдаленное прошлое, на границы доисторическаго быта; посмотримъ на жизнь многихъ современныхъ дикихъ племенъ, проходящихъ періодъ натуральнаго хозяйства, — и мы скажемъ, что все, установляемое теоріей относительно типа денегъ и законовъ, связанныхъ съ этимъ типомъ, не отражаетъ въ себѣ дѣйствительности, ибо для этихъ обществъ не было и нѣтъ денегъ. Приподнимемъ завѣсу. отдѣляющую отъ насъ отдаленное будущее; представимъ себѣ общественное производство сосредоточеннымъ въ отдѣльныхъ общинахъ и распоряженіе общинныхъ властей всѣми добытыми продуктами, наконецъ, полное развитіе кредита между отдѣльными общинами (я не взялъ-бы на себя смѣлости сказать, что такой порядокъ невозможенъ и не наступитъ никогда)—и деньги должны быть вычеркнуты изъ фактовъ хозяйственной жизни. То же скажемъ мы и о законахъ заработной платы. При отсутствіи наемнаго труда въ древнѣйшихъ общинахъ не могутъ обнаруживаться эти законы, ибо изъ всей массы продуктовъ, составлявшихъ общее достояніе, отдѣльнымъ членамъ выдавалось натурою по ихъ надобности, а удовлетвореніе многихъ потребностей сообща еще болѣе препятствовало обнаруженію этихъ законовъ. Представимъ себѣ положеннымъ въ основу распредѣленія общественнаго дохода лозунгъ Л. Блана „каж-

дому по его потребностямъ," и все ученіе теоріи о заработной платѣ будетъ представлять только историческій интересъ.

Такимъ образомъ, установляя положенія послѣдняго ряда, теорія не должна упускать изъ вида, что эти положенія относительно первыхъ, имѣющихъ неизмѣнно реальное значеніе, являются субординированными.

Мы не настаивали-бы на такомъ раздѣленіи всего матеріала, если бы у экономистовъ, вѣрныхъ пріемамъ англійской классической школы, не было привычки сравнивать политическую экономію съ астрономіей или механикой, науками, за которыми, по преимуществу, усвоено наименованіе „точныхъ." Дѣлая такое уподобленіе, экономисты обращаются, однако, со всѣмъ матеріаломъ, подлежащимъ вѣдѣнію теоріи, такъ, что обнаруживаютъ несостоятельность этого сравненія. Механикъ, установляя законы движенія, открываетъ истины, столь же вѣчныя, какъ вѣчно вещество: то же можно сказать о законахъ физики и химіи: положенія этихъ наукъ всегда отражали, отражаютъ и будутъ отражать въ себѣ дѣйствительность. Иными представляются положенія теоріи политической экономіи: одни изъ нихъ могутъ быть вполнѣ приравнены законамъ движенія, вліянію теплоты на объемъ тѣлъ и т. п. Другія же, отражая въ себѣ результаты дѣйствія только наиболѣе могущественныхъ въ данный періодъ исторіи силъ, не заслуживаютъ этого признанія. А потому, вся совокупность положеній образуетъ двѣ группы, согласно съ характеромъ посылокъ, которыми пользуется теорія. Экономисты-классики, такъ много сдѣлавшіе для развитія теоріи, не расчленили матеріала согласно съ характеромъ посылокъ. Это и понятно: вопросы о системѣ выступаютъ въ наукѣ послѣ того, какъ добытъ достаточный запасъ положеній. Теперь-же, когда школьная обработка всего добытаго матеріала подвинулась далеко впередъ, въ такомъ раздѣленіи представляется крайняя надобность. Стремленіе во что-бы ни стало от-

стоять не только всѣ положенія, но и всю систему англійской школы, ведетъ одного молодаго и даровитаго экономиста къ невѣрнымъ заключеніямъ. Утверждая, что дедуктивно-построенная теорія отрѣшается отъ юридическаго порядка, создаваемаго государствомъ, и разсматриваетъ только „хозяйственное общество," Дитцель говоритъ, что это общество не состоитъ изъ разсѣянныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ атомовъ. Организмъ хозяйства представляетъ изъ себя одно тѣсно сплоченное тѣло; оно имѣетъ свои органы и свои учрежденія. „Властитель — „всемогущій долларъ;" аристократы биржи, магнаты землевладѣльцы, „желѣзнодорожные короли" — его высшіе сановники; фабрикантъ и купецъ, маклеръ и лавочникъ суть его органы; контора, рынокъ, биржа — вотъ его учрежденія." [19]) Все это вѣрно; но изъ этого не слѣдуетъ, что-бы англійская школа и даже Рикардо не исходили, для построенія теоріи, изъ условій, которыя даетъ именно современная общественная жизнь. Что-бы говорить о землевладѣльцахъ-магнатахъ, маклерахъ, биржахъ,—мало имѣть въ виду эгоизмъ или хозяйственный разсчетъ, который, при всѣхъ измѣненіяхъ въ формѣ, неотъемлемо связанъ съ природою человѣка: нужно имѣть передъ собой еще посылки о правѣ частной собственности на значительную часть внѣшней природы, о самостоятельности отдѣльныхъ производителей, объ обмѣнѣ, а все это является важнѣйшими признаками общественнаго быта именно новаго времени. Если-бы экономисты-теоретики вовсе не исходили изъ порядка современнаго общества, то что же мѣшало-бы имъ взять совершенно иной фонъ картины? Что мѣшало-бы взять такой хозяйственный организмъ, отвлеченный отъ юридическаго порядка, гдѣ-бы органами служили общинный сходъ, старѣйшины общины, главы семей, а учрежденіями—мѣста собранія общинниковъ для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, общинные амбары, куда поступаютъ и откуда распредѣляются всѣ добытые продукты, или—взять владѣльца

οἶκος'а съ его рабами, лѣствицей надсмотрщиковъ и учрежденіями при οἶκος'ѣ, откуда удовлетворялись всѣ потребности рабовладѣльческаго хозяйства? Что мѣшало-бы сдѣлать фономъ картины быть прошлаго, извѣстный частію даже въ мелочныхъ подробностяхъ, или рисующагося въ неясныхъ очертаніяхъ далекаго будущаго? Нѣтъ, цѣлый рядъ цѣнныхъ выводовъ, сдѣланныхъ англійскою школой, добытъ при помощи устоевъ, почерпнутыхъ изъ новаго времени, изъ современнаго общественнаго быта, какъ его творитъ право. Наконецъ, если-бы вся существующая теорія имѣла своимъ предметомъ только хозяйственное общество, не опирающееся на извѣстныя условія государственнаго порядка, то всѣ ея положенія всегда имѣли-бы и практическое значеніе, которое мы придаемъ теоріи.— Но это не такъ. И самъ Дитцель въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что въ будущемъ общественному хозяйству будетъ соотвѣтствовать не теперь господствующая, а какая-либо иная теорія. [20]) Это замѣчаніе справедливо, но справедливо только относительно второй группы положеній, входящихъ въ составъ теоріи.

Такимъ образомъ, задача систематизаціи сводится къ тому, что-бы весь относящійся къ теоріи матеріалъ былъ разбитъ на два отдѣла. Въ одномъ будетъ содержаться ученіе о постоянныхъ типахъ и законахъ хозяйственныхъ явленій, въ другомъ—ученіе объ исторически измѣняющихся типахъ и законахъ. Первая часть можетъ быть вполнѣ уподоблена точнымъ наукамъ о внѣшней природѣ, вторая не можетъ получить это признаніе. Первая получаетъ въ свое вѣдѣніе весь матеріалъ, не зависящій отъ измѣненій общественнаго быта, вторая—даетъ типы и установляетъ законы, исходя изъ посылки о дѣйствіи силъ, которыя въ данное время наиболѣе выпукло обнаруживаются въ общественной жизни. Обозрѣвая весь матеріалъ, подлежащій теоріи, мы считаемъ цѣлесообразнымъ такое его раздѣленіе: въ первую часть—ученіе о

естественно-экономическихъ типахъ и законахъ—должны быть отнесены общіе вопросы о потребности, благѣ, полезности, цѣнности, трудѣ, производствѣ, рентѣ, народонаселеніи. Во вторую—ученіе объ исторически-измѣняющихся типахъ и законахъ—отходятъ ученіе о распредѣленіи, обмѣнѣ, нѣкоторые отдѣлы ученія о производствѣ (о формахъ производства). Сюда-же относится цѣликомъ ученіе о государственныхъ доходахъ и кредитѣ. Изъ всей области, подлежащей наукѣ о финансахъ, въ первой части теоріи могутъ быть установлены только не многія общія положенія, въ родѣ, напр., того, что есть, кромѣ индивидуальныхъ, и потребности, удовлетворяемыя коллективно, или что, при данномъ запасѣ благъ, расширеніе коллективныхъ потребностей сопровождается съуженіемъ индивидуальныхъ. Способы же удовлетворенія государственныхъ потребностей, доходы и кредитъ, представляютъ, какъ извѣстно, типы и законы, измѣняющіеся въ исторіи. [21])

Вопросъ о предѣлахъ развитія политической экономіи однороденъ съ вопросомъ о границахъ, у которыхъ должно остановиться развитіе и всякой другой науки. Развитіе между составными частями политической экономіи позволяетъ сдѣлать такое предсказаніе. Исторія хозяйственнаго быта и ученіе о хозяйственной политикѣ будутъ развиваться и пополняться параллельно съ жизнью человѣка на землѣ. Развитіе второй части теоріи будетъ идти скачками. Время наибольшаго обнаруженія въ обществѣ извѣстныхъ силъ будетъ и временемъ наиболѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній для ученія объ исторически измѣняющихся типахъ и законахъ хозяйства. Время накопленія новыхъ силъ въ борьбѣ съ прежними (таковъ переживаемый нами періодъ) будетъ давать теоріи, главнымъ образомъ, частности; оно будетъ давать новые типы, наростающіе подъ вліяніемъ уже извѣстныхъ господствующихъ силъ, съ тѣмъ вмѣстѣ намеки на типы и законы, которымъ принадлежитъ господство въ будущемъ.—Первая-же

часть теоріи и теперь представляется довольно законченною. Но какъ астрономія, физика и химія получаютъ непрерывно приростъ отъ работы научной мысли, такъ и эта часть будетъ еще долгое время пополняться полученіемъ новыхъ посылокъ отъ наукъ о внѣшней природѣ и индивидуальной жизни человѣка.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Torrens Essay on the Production of Wealth. 1821, Introduction XII.

2) *Миллъ*. Основанія полит. экон. 1865, I, 492.

3) См. Schmoller. Zur Methodol. der Staats—u Socialwissenschaft. Jahrbuch f. Gesetzgeb. Verwalt u. Volkswirth. 1883, III. По его мнѣнію, съ помощью математической дедукціи, можно установить только простѣйшія положенія науки, но нельзя обнять сложныя явленія хозяйственной жизни, какъ ихъ даетъ дѣйствительность (241 стр.) Ср. также Ingram. Adress. въ Journ. of the Statistical Society. 1878, IV.

4) Ср. Schmoller. Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft. 1876.

5) Ср. Dietzel. Menger. Untersuch. ub. die Methode. Jahrbucher f. Nationalokon. u Statistik. 1884, I.

6) Много содѣйствовали развитію теоріи и предшествовавшіе физіократамъ англійскіе писатели: Петти, Нортъ и Локкъ.

7) Ср. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften I, 1883, 117, 177 и далѣе.

8) О значеніи индуктивной методы для установленія типовъ не говорятъ ни Кэрнсъ, ни Менгеръ; послѣдній, расширяя задачу теоріи политической экономіи до познанія типовъ и законовъ, даетъ право думать, что дедуктивная метода въ равной мѣрѣ приложима къ установленію однихъ и другихъ.—Неясное различеніе индукціи отъ дедукціи мы находимъ у новѣйшаго англійскаго экономиста Сиджуика (Sidgwick. The principles of political economy 1883,

33—4) Признавая за индуктивную методу пользованіе „результатами, которые получены путемъ анализированія и систематизированія нашихъ обычныхъ эмпирическихъ знаній о явленіяхъ промышленности,“ и находя примѣненіе этой методы въ ученіи Дж. Ст. Милля о производствѣ, о вліяніи на него природы, труда и капитала, Сиджуикъ смѣшиваетъ индукцію, лежащую въ основаніи первоначальныхъ посылокъ для дедуктивнаго мышленія, съ методою индуктивною. Индукція въ первомъ смыслѣ всегда лежитъ въ основаніи дедуктивнаго мышленія, и главная посылка экономистовъ дедуктивнаго направленія—о самолюбіи, какъ главной силѣ въ хозяйственной жизни,—добыта путемъ самонаблюденія и наблюденія другихъ людей. То же можно сказать и о посылкахъ въ другихъ наукахъ.

9) Helferich. Thünen u. s. Gesetz. Tübing. Zeitsch. 1852, 412.

10) Ingram. Adress of the President. Journal of the Statistic. Society, 1878, December.

11) Knies. Die politische Oeconomie 1853, 156—66. Сравн. также разсужденія о методѣ Кауца въ его Theorie u. Geschichte der Nationalöconomik I, 1858, 366—422.

12) Dietzel. Beiträge zur Methodik der Wirthschaftswissenschaft. Jahrbüch f. Nationalökonomieu. Statistik 1884, IX. I. Heft. Ср. также интересную статью г. *Левитскаго* «о методѣ политической экономіи». (Юридич. Вѣсти. 1884, декабрь).

13) Ср. Cairnes. The character and logical method of Politic. Econ. 2 ed. 1875, 2 гл.

14) Ср. Menger. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften. 1883.

15) Иное воззрѣніе было высказано въ моей брошюрѣ «Задачи и методъ полит. экон.» 1879.

16) Cairnes. Назван. сочин. 99.

17) Считая статистику методой, а не наукой, мы не образуемъ изъ экономической статистики самостоятельной части политической экономіи, а цѣликомъ относимъ ея матеріалъ къ исторіи хозяйственнаго быта.

18) Cairnes. Назван. сочин. 42.

19) Dietzel. Та же статья въ Jahrbücher. 1884, IX, 3 Heft, 235.

20) Т. ж.

21) Наука о финансахъ, являющаяся самостоятельнымъ предметомъ преподаванія, не можетъ быть отнесена ни къ наукѣ, ни къ искусству, въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ. Исторія финансовъ образуетъ составную часть исторіи народнаго хозяйства или хозяйственнаго быта. Все же, что изъ этой науки относится обыкновенно къ теоріи, представляетъ намъ разнородный матеріалъ. Почти все ученіе о государственныхъ расходахъ и финансовомъ управленіи, отвѣчая на вопросы, какіе расходы должны быть совершаемы общественною властью и какъ должно быть упорядочено отношеніе между доходами и расходами, входитъ въ составъ ученія объ управленіи, содержитъ совокупность идеаловъ и юридическихъ правилъ, дѣлитъ свой матеріалъ между науками государственнаго и полицейскаго права. Сюда же относятся всѣ положенія, касающіяся политики доходовъ. Такимъ образомъ, наука о финансахъ въ этихъ частяхъ должна быть признана наукой прикладною, ученіемъ о финансовой политикѣ.—На ряду съ ними есть часть, которая составляетъ предметъ теоріи политической экономіи, и именно второй ея части,—ученіе о доходахъ и кредитѣ и ихъ вліяніи на общественное хозяйство Связь этихъ явленій государственнаго хозяйства съ явленіями хозяйства общественнаго настолько тѣсна, что полное познаніе послѣднихъ не возможно безъ изученія первыхъ: механизмъ распредѣленія и обмѣна цѣнностей выясняется во всей полнотѣ только съ принятіемъ въ разсчетъ вліянія, которое имѣютъ на хозяйство налоги и государственный кредитъ. Несамостоятельность науки о финансахъ въ философскомъ смыслѣ и разнородность ея частей вполнѣ оправдываютъ установившуюся въ англійской и, частью, французской экономической литературѣ привычку вводить часть этой науки въ составъ политической экономіи.—Конечно, этимъ мы не хотимъ сказать, что безполезно и нецѣлесообразно выдѣлять науку о финансахъ въ самостоятельный предметъ преподаванія.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Направленія въ политической экономіи . . . 3.
II. Причины разногласій въ политической экономіи . . 7.
III. Составныя части политической экономіи . . . 13.
IV. Методы политической экономіи . . . . 23.
V. Нѣсколько словъ о системѣ . . . . . 44.
Примѣчанія . . . . . 53.

КРУПНАЯ ОПЕЧАТКА

Стран.	Строка	Напечат.	Читай
52	19 сверху	Развитіе	Различіе